

Сетевой научный журнал

Научный результат

Research result

Том 1

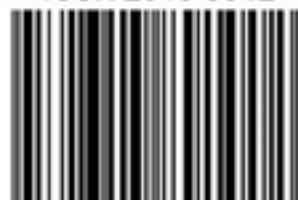
№1 2015

Сетевой научный рецензируемый журнал
Online scholarly peer-reviewed journal

*Вопросы теоретической
и прикладной лингвистики*

ISSN 2313-8912

9 772313 891002

Сайт журнала:
<http://belsu-research-result.ru/>

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СЕРИЯ «ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013 г.

Включен в библиографическую базу данных
научных публикаций российских ученых РИНЦ

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2013 г., ежеквартально
ISSN 2408-9346

Том 1. №1(3), 2015

Учредитель:

ФГАОУ ВПО «Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР СЕРИИ:

Дехнич О.В., кандидат филологических наук, доцент

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ СЕРИИ:

Деревянко Ю.С.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Алефиренко Н.Ф., доктор филологических наук, профессор

Аматов А.М., доктор филологических наук, профессор

Багана Ж., доктор филологических наук, профессор

Беседина Н.А., доктор филологических наук

Огнева Е. А., доктор филологических наук, профессор

Дьяченко Т. Д., кандидат филологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виноградов В.А., доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, Россия

Вальтер Г., доктор филологических наук, профессор, Германия

Вишнякова О.Д., доктор филологических наук, профессор, Россия

Воркачёв С.Г., доктор филологических наук, профессор, Россия

Гренарова Ренее, доктор педагогики, доктор философии, Чешская Республика

Златев Дж., доктор философии, профессор, Швеция

Карасик В.И., доктор филологических наук, профессор, Россия

Клепикова Т.А., доктор филологических наук, профессор, Россия

Пернель Б., доктор филологических наук, профессор, Франция

Магировская О.В., доктор филологических наук, профессор, Россия

Панасенко Н.И., доктор филологических наук, профессор Словакия, Украина

Соколова Я., кандидат филологических наук, профессор, Словакия

Хлебда В., доктор филологических наук, профессор, Польша

RESEARCH RESULT

THEORETICAL
AND APPLIED LINGUISTICS SERIES

Mass media registration certificate
El. № FS 77-55674 of October 28, 2013

Included into bibliographic database of scientific publications of
Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2013.
Frequency of publications: quarterly
ISSN 2408-9346

Volume 1. № 1(3), 2015

Founded by:

Belgorod State University

EDITOR-IN-CHIEF OF A SERIES:

Olga V. Dekhnich, Candidate of Philology, Associate Professor

EXECUTIVE SECRETARY:

Yulia S. Derevyanko

EDITORIAL BOARD:

Alexander M. Amatov, Doctor of Philology, Professor

Baghana Jerome, Doctor of Philology, Professor

Elena A. Oгнева, Doctor of Philology, Professor

Natalia A. Besedina, Doctor of Philology, Professor

Nikolai F. Alefirenko, Doctor of Philology, Professor

Tatiana D. Dyachenko, Candidate of Philology, Associate Professor

CONSULTING EDITORS:

Beatrix Pernelle, Doctor of Philology, Professor, France

Harry Walter, Doctor of Philology, Professor, Germany

Jana Sokolova, Candidate of Philology, Professor, Slovak Republic

Jordan Zlatev, Doctor of Philosophy, Professor of General Linguistics, Sweden

Nataliya I. Panasenko, Doctor of Philology, Professor, Slovak Republic, Ukraine

Oksana V. Magirovskaya, Doctor of Philology, Professor, Russia

Olga D. Vishnyakova, Doctor of Philology, Professor, Russia

Renée Grenarová, PaedDr, PhD, Assistant Professor, Czech Republic

Sergey G. Vorkachev, Doctor of Philology, Professor, Krasnodar

Tatiana A. Klepikova, Doctor of Philology, professor, Russia

Victor A. Vinogradov, Doctor of Philology, Russian Academy of Sciences Corresponding Member, Russia

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Russia

Wojciech Chlebda, Doctor of Philology, Professor, Poland

РАЗДЕЛ I. МЕТОДОЛОГИЯ СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Беседина Н.А.

Морфология: от морфемы
к морфологически передаваемому
концепту 4

Дрыгина Ю.А.

Анализ базового компонента дискурса
управленца и языковых особенностей
его реализации.....14

Дьяченко Т.Д.

Перспективы холистического подхода
и теории гештальтов в исследовании
глагольных категорий 20

Седых А.П., Шевченко М.И.

К вопросу о стратегиях и тактиках
в институциональном дискурсе.....26

Shustova S.V., Smirnova E.A.,

Osheva E.A.
Systemacity and categorization
in functioning of verbs.....32

РАЗДЕЛ II. ЭТНОЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ван Синсинь

Коммуникативно-прагматические
классификационные параметры
междометий в китайском языке.....42

Поletaева Т.А.

Особенности языка King James Bible
(на примере анализа текста Евангелия
от Матфея).....49

РАЗДЕЛ IV. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПЕРЕВОД

Dekhnich O.V., Galtsev O.V.

Translating metaphors in literary discourse...57

Lugovaya E.A., Lugovoy D.B.

Literary translation as a creative activity.....63

Огнева Е.А.

Синергия в многосегментной
модели художественного концепта в
кросскультурном поле перевода.....70

SECTION I. METHODOLOGY OF LINGUISTICS

Besedina N.A.

Morphology: from morpheme
to morphological concept.....4

Drygina Yu.A.

The analysis of a basic component of
management discourse and language
peculiarities of its representation.....14

Dyachenko T.D.

Possibilities of holistic approach
and gestalt theory in analyzing
grammatical categories of the verb.....20

Sedykh A.P., Shevchenko M.I.

To the issue of strategy and tactics
in institutional discourse.....26

Shustova S.V., Smirnova E.A.,

Osheva E.A.
Systemacity and categorisation
in functioning of verbs.....32

SECTION II. ETHNOLINGUISTICS AND CULTURAL LINGUISTICS

Van Sinsin

Communicative and pragmatic
classification parameters of interjections in
the Chinese language.....42

Poletaeva T.A.

Language peculiarities of King James Bible
(on the analysis of the text of the Gospel
according to st. Matthew).....49

SECTION IV. INTERCULTURAL COMMUNICATION AND TRANSLATION STUDIES

Dekhnich O.V., Galtsev O.V.

Translating metaphors in literary discourse...57

Lugovaya E.A., Lugovoy D.B.

Literary translation as a creative activity.....63

Ogneva E.A.

Synergy in the multi-segment model
of literary concept in cross-cultural
translation.....70

РАЗДЕЛ I. МЕТОДОЛОГИЯ СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'366

Беседина Н.А.

МОРФОЛОГИЯ: ОТ МОРФЕМЫ К МОРФОЛОГИЧЕСКИ ПЕРЕДАВАЕМОМУ КОНЦЕПТУ

Беседина Наталья Анатольевна,
профессор кафедры иностранных языков, доктор филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы д. 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: NBesedina@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье анализируются взгляды ученых различных эпох на проблемы морфологии и прослеживается развитие соответствующей проблематики от сравнительно-исторической до когнитивной лингвистики. В сравнительно-историческом языкознании морфемика рассматривалась как внутриязыковая механизм. Представители младограмматиков пытались наполнить синтаксическую терминологию морфологическим значением. В генеративной морфологии неразличение лексических, морфологических и словообразовательных правил привело к отождествлению морфологии и словообразования. В период «постгенеративизма» исследовательская сфера в области морфологии расширяется за счет включения в рассмотрение функциональных начал морфологии. Наиболее последовательной позиции в изучении морфологической проблематики придерживались отечественные лингвисты, рассматривая морфологию как центр языкового пространства, скелет, на котором держится все остальное в языке. Существенное внимание уделяется взглядам А.В. Бондарко, Н.Н. Болдырева, Е.С. Кубряковой и Ю.С. Степанова на проблемы морфологии. Автор статьи приходит к выводу о необходимости разграничивать такие понятия как «специфика морфологии» и «автономность морфологии» и предлагает свой подход к трактовке морфологического уровня с когнитивной точки зрения.

Ключевые слова: морфология; морфема; морфологически передаваемый концепт; взаимодействие морфологии и синтаксиса; когнитивный подход; концептуализация; знание.

SECTION I. METHODOLOGY OF LINGUISTICS

Besedina N.A.

MORPHOLOGY: FROM MORPHEME TO MORPHOLOGICAL CONCEPT

Besedina Natalia Anatolievna

Doctor of Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: NBesedina@bsu.edu.ru

ABSTRACT

The author analyses the views of scholars, belonging to different trends in linguistics, on the morphological level in the language. The development of ideas on the problem is being traced from comparative-historical linguistics to cognitive linguistics. In the theory of comparative-historical linguistics, the morphemic structure was considered to be a pure linguistic mechanism. The representatives of neogrammarians tried to fill the morphological meaning with syntactical terms. Generative morphology didn't differentiate lexical, morphological and word-formation rules that resulted in identification of morphology and word-formation. The post-generative paradigm extended the research field of morphology, taking into consideration its functional aspect. The most successive line in investigating morphology is characteristic for Russian linguists. They treat morphology as a framework of the language system. Special attention is paid to the views of A.V. Bondarko, N.N. Boldyrev, E.S. Kubryakova, and Yu.S. Stepanov on morphology. The author concludes that it's necessary to distinguish between such notions as "specific character of morphology" and "autonomy of morphology". Finally, the author suggests her own approach to the investigation of morphology in a cognitive perspective.

Key words: morphology; morpheme; morphological concept; morphology and syntax interaction; cognitive approach; conceptualization; knowledge.

Введение

Первые попытки выделения морфологии были характерны еще для софистов и стоиков. Однако как таковая морфология в грамматической традиции была впервые выделена в александрийской школе (III в. до н.э.). В качестве самостоятельной части морфологии присутствует также в трактате видного ученого-энциклопедиста М. Варрона «О латинском языке». Морфология, в понимании М. Варрона, состоит в изучении того, каким образом слова, отклонившись от вещей, для которых они были установлены, приобрели различия [2, с. 85]. В знаменитой грамматике арабского ученого Сибавейхи, наряду с фонетикой и синтаксисом, детально была описана морфология классического арабского языка. Однако граница между морфологией и синтаксисом в арабской традиции проводилась несколько иначе. Морфология ограничивалась корнем и огласовками, а изучение окончаний слов относилось к синтаксису (подр. см. [1, с. 42]).

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы кратко проанализировать основные тенденции, имеющие место при рассмотрении морфологической проблематики во взглядах ученых различных эпох и предложить еще один возможный вариант интерпретации роли морфологии как необходимого компонента формирования смысла в процессе коммуникативно-дискурсивной деятельности.

Материалы и методы исследования

Представители сравнительно-исторического языкознания, формулируя свой взгляд на роль морфологии в языке, исходили из того, что в «процессах речи-мысли мысль направляется одновременно на обработку и разработку языка и его звуков, с одной стороны, и на формирование картины мира, на познание внешней по отношению к мышлению-речи действительности – с другой» [цит. по 12, с. 173]. Для того чтобы оба эти процесса могли реализоваться и объективно существовать, между ними должна быть некоторая необходимая им обоим связка. Эта связка была представлена в сравнительном языкознании в виде понятия морфемного уровня и понятия составляющих его единиц – морфем. Другими словами, морфемика (морфология), в соответствии с идеями сравнительного языкознания, представляет собой описание внутриязыкового механизма, с помощью кото-

рого осуществляется контакт между мыслью о звучащей речи и мыслью о мире.

Как одну из трех сущностей, определяющих язык, рассматривали морфологию младogramматики. При этом в грамматических исследованиях А. Мейе и его последователей прослеживается уклон в морфологизм синтаксиса. Это приводило к наполнению синтаксической терминологии морфологическим значением.

Обсуждая проблему разграничения морфологии и синтаксиса и анализируя сложившиеся к тому времени концепции по этому вопросу (В. Брэндалль, В. Матезиус, Г. Гутенейм, О. Есперсен, Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев), В. Скаличка выделяет несколько параметров, определяющих различия между морфологией и синтаксисом. Основным, на его взгляд, является различие ономотологической и синтаксической функции (подробно о выделенных им параметрах см. в [15, с. 72]).

Устанавливая параметры разграничения морфологии и синтаксиса, В. Скаличка, тем не менее, считает, что морфология и синтаксис не отделены друг от друга герметически, и что некоторые черты синтаксиса проникают в морфологию и наоборот [18]. Это приводит к тому, что синтаксический и морфологический компоненты с точки зрения их включения в функциональную структуру языка оказываются тесно связанными между собой структурами выражения.

Представитель женевской школы С. Карцевский, рассматривая язык как семиологическую систему, выделяет среди четырех семиологических планов в качестве самостоятельного, и морфологический план. Морфология, в его понимании, «есть система приемов, употребляемых одним данным языком для того, чтобы выявить на фонической линии спроектированные на нее связи» [8, с. 52].

Для работ, выполненных в духе генеративной морфологии, характерно неразличение лексических, морфологических и словообразовательных правил, а также смешение их функций. Это практически приводило к отождествлению морфологии со словообразованием, что нашло дальнейшее отражение в теориях М. Аронова и С. Скализе [21, 28]. Во многих версиях порождающих грамматик деривационная морфология рассматривалась как своеобразная часть синтаксического уровня, где действуют синтаксические

правила (трансформации), но в пределах слова.

Период «постгенеративизма» характеризуется более активным исследованием проблем морфологии. Это нашло свое отражение, прежде всего, в появлении авторских морфологических концепций, сформулированных в трудах Ст. Андерсона, Дж. Байби, Р. Бирда, Ф. Планка, Э. Селкирк [19, 20, 22, 23, 24, 27, 29]. Сфера исследования в области морфологии расширяется за счет включения в рассмотрение функциональной проблематики, изменяются задачи морфологии и постановка ряда теоретических проблем. Для ученых в этот период характерно стремление разобраться в функциональных началах морфологии, а для этого вскрыть ее движущие силы. Все это предполагало обращение к динамическим аспектам языковой системы и определение роли морфологии в переходе от глубинных структур к поверхностным.

В качестве основных рассматриваются, например, проблемы изоморфизма в строении слова и предложения, возможность транспонировать закономерности синтаксиса в эту область, взаимодействие морфологии и синтаксиса, выявление основных морфологических процессов, действующих на уровне слова, установление специфики этих процессов, в том числе, выяснение их автономности или зависимости (детерминированности) синтаксисом и семантикой.

Существование морфологии как особого уровня, выполняющего важную роль в системе языка, убедительно обосновывается отечественными лингвистами. Наиболее четко и одновременно метафорично эта позиция выражена А.А. Реформатским. Он, в частности, пишет: «Морфология подобна «костяку» или скелету, на котором держится все остальное. Морфология – центр «языкового пространства», и для того, чтобы узнать язык, надо прежде всего понять его морфологию. Без морфологии нет языков» [13, с. 58]. При этом А.А. Реформатский подчеркивает, что у разного типа языков **своя** (выделено нами – Н.Б.) морфология, но она все равно присутствует [там же]. Аналогичной точки зрения придерживается Р.А. Будагов, отмечающий, что без морфологии, так же как и без фонетики, не может существовать ни один живой язык [6, с. 187].

Существование морфологии как отдельного уровня языка аргументируется также

Е.С. Кубряковой, использующей положения модулярной теории языка. Она говорит о существовании морфологического компонента языковой способности говорящих, некоего «морфологического модуля, управляющего образованием правильно оформленных морфологических структур со статусом слова, т.е. ответственного за соблюдение правил относительно формы и строения слова при выражении им определенного содержания» [10, с. 27]. Это подтверждается, в частности тем, что в разных языках мира складываются некие особые приемы для создания слов и что слово выделяется в сознании говорящих в качестве отдельной единицы языка, соотносящей форму и содержание своим специфическим способом [10, с. 26]. Поэтому разрывать морфологию, относя часть ее к лексикону, часть – к синтаксису, представляется Е.С. Кубряковой не только нецелесообразным, но и разрушающим онтологическую и гносеологическую целостность морфологии [10, с. 26].

При этом необходимо отметить, что в отечественной лингвистике не просто постулировалось существование морфологии как особого уровня, но и детально изучались отношения морфологии с другими языковыми уровнями (подробный обзор см. [3]), что дало основание для рождения идеи о том, что «морфология служит синтаксису». Именно из этого положения исходит Б.А. Серебренников в трактовке проблемы взаимоотношения морфологии и синтаксиса, подчеркивая одновременно, что такое утверждение упрощает представление о реальных отношениях в языке [14, с. 88]. Как считает Б.А. Серебренников, морфологическая форма, будучи носителем отвлеченных значений, в возможностях своего функционирования оказывается ограниченной этими значениями и сама диктует синтаксису тот или иной выбор морфологических средств [14].

Идея о «службе» морфологии синтаксису уточняется в рамках теории морфологических категорий, разработанной А.В. Бондарко. Автор утверждает, что морфология служит синтаксису «лишь постольку, поскольку ее единицы, формы и категории включаются в структуру предложения, являются существенными для нее, но не вообще, не глобально, не абсолютно» [5, с. 19]. Одновременно с этим, А.В. Бондарко специально подчеркивает, что морфологические категории всегда имеют отношение к синтаксису, так как ка-

жда морфологическая категория обладает определенной синтаксической направленностью, синтаксической перспективой [5].

В несколько ином плане, с позиции синтеза современных лингвистических концепций, рассматривает проблему В.Б. Касевич. В качестве основополагающего он выдвигает тезис о том, что «семантика обуславливает синтаксис, синтаксис морфологию и т.д.» [9, с. 18]. Для объяснения закономерностей взаимообусловленности семантики, синтаксиса и морфологии он прибегает к понятию фрейма в том понимании, в котором его использует М. Минский. Для морфологического компонента языковой системы В.Б. Касевичем выделяются фреймы двух видов: семантически и синтаксически ориентированные (подр. см [9, с. 26]).

В теории семиологической грамматики, разработанной Ю.С. Степановым, проблема связей морфологии и синтаксиса получает более глубокое осмысление и формулируется в виде положения о том, что морфология выступает как «техника взаимодействия семантики и синтаксиса». При этом в качестве принципиально важных принимаются положения о том, что: определению морфологической категории предшествует определение семантико-синтаксической сферы, применительно к которой можно говорить о данной категории; морфологические категории подчиняются некоторым общим семиологическим принципам, источником которых являются семантика и синтаксис в их взаимоотношениях; изменение морфологических категорий связано с перераспределением «длинного семантического компонента» (общего семантического компонента), а их развитие заключается в развитии самого этого компонента в целом [17, с. 296-297]. Понимание морфологии как техники взаимодействия семантики и синтаксиса получило применение и дальнейшее уточнение в теории функционально-семиологической грамматики Н.Н. Болдырева. В соответствии с ее основными установками, морфология определяется как техника языковой системы, фиксирующая типичные связи между семантикой и синтаксисом [4].

Анализ представленных точек зрения на проблему взаимодействия морфологии с другими языковыми уровнями позволяет заключить, что попытки провести строгие границы между языковыми уровнями (прежде всего, морфологией и синтаксисом) фактически ока-

зались неосуществимыми, так как постоянно исследователи наталкивались на те или иные факты межуровневого взаимодействия, свидетельствующие, скорее, о нежесткой внутриязыковой организации. Наглядно это подтверждается результатами современных функциональных и когнитивных исследований языка.

Развитие когнитивно-ориентированных исследований (с 80-х годов XX века) в лингвистике поставило в новой плоскости вопрос о месте морфологии в системе языка. Такое положение дел представляется во многом естественным, так как вытекает из общих установок когнитивного подхода к языку.

Когнитивная лингвистика, как известно, стирает грань между областями, обособленными в интерпретации традиционной лингвистики (лексикой, морфологией, синтаксисом и семантикой), тем самым, выявляя наиболее общие принципы человеческого мышления, которые имплицитированы в языковых формах. По образному замечанию О.К. Ирихановой, «любая единица языка рассматривается здесь как некий «пусковой механизм» для глубинных когнитивных процессов, которые определяют пути и способы конструирования языкового значения» [7, с. 62].

Основополагающая идея, на которой строятся и когнитивная грамматика, и когнитивная семантика – это идея когнитивного моделирования результатов познания как основы формирования языковых значений. Соответственно, основная масса исследований, выполненных с позиций когнитивного подхода в зарубежной лингвистике, сосредоточена преимущественно на изучении когнитивных основ семантики языковых выражений, прежде всего, лексического уровня.

Общая платформа, на которой основывается вся когнитивная лингвистика, включает, в частности, положения о том, что: язык не обладает самодостаточностью и не может быть описан без учета когнитивных процессов; грамматика не может рассматриваться в качестве отдельной формальной системы, или уровня представления, так как лексикон, морфология и синтаксис образуют континуум знаковых структур (см., например: [25, 26]).

Это предполагает неразделимость грамматики и значения. Автономность грамматики, а, следовательно, и морфологии отрицается в когнитивной грамматике Р. Ленекера. В его теории она представляется как способ струк-

турирования и символизации (языкового представления) концептуального содержания с помощью образно-схематических моделей. Образно-схематические модели рассматриваются как способность по-разному структурировать (форматировать) и интерпретировать содержание одной и той же когнитивной области. В соответствии с этой функцией, язык включает семантические структуры, фонологические структуры и символические связи между ними. Р. Ленекером особо подчеркивается тот факт, что ничего другого языку не требуется [26]. Как следствие, в теории когнитивной грамматики Р. Ленекера отсутствует специальное рассмотрение того, что традиционно включается в морфологию (словообразовательные и словоизменительные категории). Некоторые морфологические категории, например, времени и аспекта, исследуются в связи с рассмотрением определенных когнитивных механизмов [26, с. 218-229].

На сходных представлениях строится и концептуальная семантика Л. Талми. В разработанной им теории утверждается наличие в языке двух подсистем: грамматической и лексической, обладающих комплементарными семантическими функциями. Грамматика определяет структуру когнитивной репрезентации, а лексика – ее содержание. Автором ставится цель определить семантические и когнитивные свойства и функции структурного языкового компонента (грамматики) как единого целого. В качестве фундаментального свойства грамматической подсистемы Л. Талми выделяются семантическая и количественная ограниченность, а в качестве основной функции – структурирование мысли [30, с. 94-95]. Грамматика, в широком смысле, является фактором, определяющим концептуальную структуру в языке как одной из когнитивных систем.

Таким образом, грамматический уровень рассматривается в когнитивной лингвистике недифференцированно, что естественным образом не позволяет акцентировать внимание на роли морфологического компонента языка в представлении концептуального содержания. Рассматривая идею о языковом континууме как одну из фундаментальных и методологически важных мы все же считаем необходимым акцентировать, с одной стороны, взаимодействие образующих континуум компонентов, а с другой – роль каждого из них в этом континууме. Это позволяет поставить во-

прос о необходимости особого рассмотрения места морфологии в языковом континууме.

Предпосылки такой постановки вопроса создаются, в первую очередь, благодаря тем наработкам, которые получены отечественными лингвистами в последние десятилетия, ознаменовавшиеся интенсивным развитием когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Прежде всего, в ряде работ Е.С. Кубряковой, опубликованных в последние годы, сформулированы основные направления изучения когнитивных аспектов морфологии (см., например, [11]). Е.С. Кубрякова уточняет высказанную Н.А. Слюсаревой мысль о том, что морфология когнитивна, хотя на первый взгляд, выступает в виде техники для синтаксиса [16], особо подчеркивая тот факт, что даже если бы морфология выступала исключительно «в виде техники для синтаксиса», она не перестала бы быть «когнитивной», т.е. связанной с познавательными процессами и служащей отражению и передаче их результатов [11, с. 25].

По мнению Е.С. Кубряковой, функции морфологии гораздо шире. Они обнаруживаются не на уровне морфем, а на уровне целостных морфологических структур, репрезентирующих разные классы слов [11]. В этом проявляется связь морфологии с фиксацией, классификацией и распределением по категориям определенных структур знания о мире. Такая связь с процессами категоризации и субкатегоризации, а также связь последних со средствами их формального выражения позволяет выявить, как и в каких формах морфология объективирует и классифицирует знание о мире. Сказанное дает основание Е.С. Кубряковой говорить о когнитивных аспектах морфологии в различных проявлениях.

Когнитивная функция морфологических явлений, по заключению автора, определяется «их задействованностью в проведение процессов мышления, в осуществление ментальной и интеллектуальной деятельности человеческого разума – деятельности по обработке информации, ее хранению, ее сортировке и, наконец, извлечению, использованию и новому преобразованию» [11, с. 25-26]. Подчеркивая особую важность изучения когнитивных аспектов морфологии, Е.С. Кубрякова заключает, что такое изучение позволит выявить немало важного в понимании того, «какие детали в изображении ситуации в данном языке не могут ускользнуть от внимания говоряще-

го (грамматическое – значит обязательное), а также какие элементы человеческого опыта уже получили отражение и классификацию в данной языковой картине мира» [11, с. 25-26].

Представленный анализ позволяет заключить, что дискуссионность проблемы статуса морфологии в системе языка связана со смешением двух понятий: «специфика морфологии» и «автономность морфологии». Специфика морфологии определяется ее ролью в репрезентации языкового знания и выполнением особой функции в системе языка – функции техники, обеспечивающей взаимодействие семантики и синтаксиса и фиксирующей типичные связи между ними. Именно поэтому морфологические категории функционально раскрываются, главным образом, на уровне синтаксиса [4, 6].

Сказанное позволяет утверждать, что с позиций когнитивного подхода в качестве основной единицы морфологии следует рассматривать морфологическую категорию, находящую свое материальное выражение в формах слова, объединяемых в парадигму.

Морфология как особый языковой уровень, обеспечивающий технику взаимодействия семантики и синтаксиса и фиксирующий типичные связи между ними, выступает как один из способов концептуализации языкового знания. Особенность концептуализации на уровне морфологии состоит в том, что она, конфигурируя и форматируя наше знание, обеспечивает концептуальную сетку, каркас для концептуального материала, выраженного лексически, и в определенном смысле «обслуживает» лексику. Именно эта особенность в плане концептуализации и обуславливает взаимосвязь морфологии и лексики на уровне языка. Такая взаимосвязь предполагает, с одной стороны, уточнение и конкретизацию категориальных значений в синтаксисе, а с другой – наличие скрытой грамматики как переходной зоны между формально-грамматическими, собственно морфологическими категориями, и лексическими/тематическими группами, а также необходимость языкового, в смысле ориентированного на репрезентацию в языке, концептуального содержания.

Возможности и способы морфологической концептуализации определяются онтологией самого языка, так как морфология выступает в качестве средства концептуализации закономерностей языковой репрезентации и

отражает во взаимодействии с синтаксисом внутреннюю сущность и законы функционирования языка. Сказанное позволяет утверждать, что морфология представляет собой языковой уровень, важный с точки зрения понимания того или иного языка и определения его характера и типа.

Концептуализация в морфологии осуществляется на нескольких уровнях. Под уровнями концептуализации в морфологии понимаются различные способы структурирования знания, находящие представление в морфологии (подр. см. [3]). Их выделение первоначально связано с разграничением, прежде всего, сентенционального уровня и уровня семантики лексико-грамматических разрядов слов. Оно обусловлено внутренне неоднородной сущностью лексико-грамматических классов слов и их морфологических категорий. Последние, будучи средством уточнения связи языкового знака с той или иной концептуальной категорией, передаваемой тем или иным лексико-грамматическим классом слов в синтагматической речевой деятельности, различаются своей ориентацией на уровень сентенциональный или на уровень лексико-грамматических разрядов слов.

Морфологические категории и передаваемые ими обобщенные смыслы создают «сетку координат», в рамках которой осуществляется концептуализация мира человеком. Морфология отражает категоризацию наиболее важных (фундаментальных, базовых) участков концептуальной системы. Соответственно, морфологические категории и формы являются средством объективации особого уровня категориальных смыслов.

Категориальная часть концептуальной системы, репрезентируемая морфологически, предстает в виде морфологически передаваемых концептов. Морфологически передаваемые концепты создаются нашим сознанием с помощью языка и являются, вследствие этого, классификационными. Морфологически передаваемые концепты – это, с одной стороны, определенные единицы знания, репрезентируемые с помощью морфологических категорий и форм, а с другой стороны, – это концепты, лежащие в основе формирования собственно морфологических категорий и реализующиеся в виде конкретных грамматических смыслов (например, грамматическое время, число, аспект, наклонение и др.).

Иными словами, морфологически передаваемый концепт – это выраженная морфологической формой единица знания о представлении мира в языке, т.е. единица языкового знания, передающая способ языковой репрезентации знания энциклопедического.

Морфологически передаваемые концепты в совокупности формируют концептуальное пространство морфологии и создают когнитивную основу морфологической репрезентации в языке. Они служат основой формирования соответствующих морфологических категорий и подводят существующее многообразие морфологических форм под соответствующие категории и классы, определяя их семантику.

Морфологически передаваемые концепты могут рассматриваться в качестве одного из факторов, способствующих созданию и обеспечению стабильности концептуальной системы, они отражают наиболее существенные аспекты концептуальной системы, без которых невозможно мышление о мире и формирование картины мира.

Морфологически передаваемые концепты в наибольшей степени подвергаются стандартизации на общенациональном уровне, исключая групповые, региональные и индивидуальные смыслы. Содержание данных концептов составляют основополагающие стабильные значения (элементы смысла), которые кодируются с помощью морфологических показателей. Оно включает максимально обобщенные и абстрактные характеристики, которые в процессе активизации требуют дальнейшего уточнения и конкретизации при участии дополнительных лингвистических факторов. Эти характеристики имеют статус особых категориальных смыслов, которые служат основой для формирования собственно морфологических смыслов, составляющих содержание морфологических категорий и в дальнейшем – во взаимодействии с характеристиками концепта, на базе которого формируется морфологически передаваемый концепт – лексико-грамматических смыслов в процессе коммуникации, а также имеют принципиальную важность для выражения связей семантики и синтаксиса.

Сущность морфологически передаваемого концепта состоит в том, что его содержание, передаваясь морфологически, раскрывается только через взаимодействие с другими факторами в процессе морфологической ре-

презентации. Вследствие этого, морфология не просто и не столько передает собственные (морфологические) смыслы, но и, в первую очередь, служит базой для формирования широкого спектра конкретных грамматических и лексико-грамматических смыслов в рамках предложения-высказывания. Это объясняет тот факт, что морфология не существует изолированно от других языковых уровней, она органично вплетена в ткань языка и является необходимым компонентом формирования смысла в процессе речевой деятельности.

Специфика грамматической системы каждого языка и его концептуальной системы проявляется в наборе морфологически передаваемых концептов, который не совпадает в различных языках в силу того, что инвентарь морфологических категорий может заметно варьироваться от языка к языку. При этом существование единой концептуальной основы морфологических категорий позволяет в определенной степени «приравнять» одноименные категории разных языков на основании некоторой общей концептуальной структуры, в качестве которой выступает морфологически передаваемый концепт, а не на основании грамматической формы, так как последняя различна от языка к языку.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что современная морфологическая теория представляется неполной без анализа когнитивных процессов, которые объясняют внутриязыковую специфику морфологических категорий и форм и раскрывают роль данных единиц в репрезентации концептуального содержания в языке. Специфика предложенного в статье подхода заключается в обращении к проблемам морфологии с принципиально иных позиций, а именно, с точки зрения того, как языковые факты отражают видение и восприятие мира человеком и способы его концептуализации.

Заключение

Обобщая все сказанное, следует отметить, что исследование морфологии в различных аспектах позволяет получить наиболее полное и исчерпывающее знание о закономерностях, обеспечивающих ведущую роль морфологического уровня в строе языка и формировании смысла в процессе языкового функционирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алпатов В.М. *История лингвистических учений: Учебное пособие*. М., 1998.
2. *Античные теории языка и стиля (Антология текстов)* / Под общ. ред. О.М. Фрейденберга. СПб., 1996.
3. Беседина Н.А. *Морфологически передаваемые концепты: монография*. М.; Тамбов: Изд-во ТГУ; Белгород: Изд-во БелГУ, 2006.
4. Болдырев, Н.Н. *Функциональная категоризация английского глагола: Дис. ... д-ра филол. наук*. СПб., 1995.
5. Бондарко А.В. *Теория морфологических категорий*. Л., 1976.
6. Будагов Р.А. *Язык и речь в кругозоре человека*. М.: Добросвет, 2000.
7. Ирисханова О.К. О теории концептуальной интеграции // *Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания (материалы круглого стола, апрель, 2000)*. М., 2000. С. 62-68.
8. Карцевский С.И. *Из лингвистического наследия*. М.: Языки русской культуры, 2000.
9. Касевич В.Б. *Семантика. Синтаксис. Морфология*. М.: Наука, 1988.
10. Кубрякова Е.С. *Морфология в теоретических и типологических исследованиях последнего времени*. М., 1987.
11. Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты морфологии // *Язык: Теория, история, типология*. М., 2000. С. 22-27.
12. Ольховиков Б.А. *Теория языка и вид грамматического описания в истории языкознания*. М., 1985.
13. Реформатский А.А. *Очерки по фонологии, морфонологии, морфологии*. М.: Наука, 1979.
14. Серебренников Б.А. *Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление*. М.: Наука, 1988.
15. Скаличка В. Отношение между морфологией и синтаксисом // *Языкознание в Чехословакии: Сб. статей*. М.: Прогресс, 1978. С. 69-79.
16. Слюсарева Н.А. *Проблемы функциональной морфологии современного английского языка*. М.: Наука, 1986.
17. Степанов Ю.С. *Имена. Предикаты. Предложения (семиологическая грамматика)*. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2002.
18. *Языкознание в Чехословакии: Сб. статей*. М.: Прогресс, 1978.
19. Anderson, St. *Inflectional morphology. Language typology and syntactic description*. Cambridge, Mass., 1985. Vol. III. Pp. 150-201.
20. Anderson, St. *Morphological theory. Linguistics: The Cambridge survey*. Cambridge, 1988. Vol. I: Linguistics theory: Foundations. Ed. By Newmeyer F.J. Pp. 146-191.
21. Aronoff M. *Word formation in generative Grammar*. Cambridge, 1976. 134 p.
22. Beard R. *Lexeme - Morpheme Base Morphology: a General Theory of Inflection and Word Formation*. State University of N.Y., 1995. 433 p.
23. Bybee J.L. *Morphology: A Study of the Relation Between Meaning and Form*. Amsterdam, 1985. 234 p.
24. Bybee J.L. *Morphology as Lexical Organization. Theoretical Morphology. Approaches in Modern Linguistics*. N.Y.: Academic Press, 1988. Pp. 119-141.
25. Jackendoff R. *Semantics and Cognition*. Cambridge: The MIT Press, 1984.
26. Langacker R.W. *Grammar and Conceptualization*. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2000.
27. Plank F. *Morphologische (Ir-) Regularitäten: Aspekte der Wortstrukturtheorie*. Tübingen: Narr, 1981. 298 S.
28. Scalise S. *Generative morphology*. Dordrecht, 1986. 237 p.
29. Selkirk E. *The Syntax of word*. Cambridge (MA): MIT, 1982. 136 p.
30. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. 2-nd edition. Concept Structuring System: The MIT Press. Cambridge, Massachusetts, London, England, 2001. Vol. 1. 565 p.

REFERENCES:

1. Alpatov V.M. *History of Linguistic Studies: Textbook*. Moscow, 1998.
2. *Antique theory of language and style (Anthology of texts)*. O.M. Freydenberg. SPb., 1996.
3. Besedina N.A. *Morphologically transmitted concepts*. M.; Tambov: Izd-vo TGU; Belgorod: Izd-vo BelGU, 2006.
4. Boldyrev, N.N. *Functional categorization of the English verb: Dis. ... d-ra filol. nauk*. SPb., 1995.
5. Bondarko A.V. *Teoriya morfologicheskikh kategoriy*. L., 1976.
6. Budagov R.A. *Language and speech in the human perspective*. Moscow: Dobrosvet, 2000.
7. Iriskhanova O.K. On the theory of conceptual integration. *Traditional problems of linguistics in the light of new paradigms of knowledge*. Moscow, 2000. Pp. 62-68.
8. Kartsevskiy S.I. *From the linguistic heritage*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000.
9. Kasevich V.B. *Semantics. Syntax. Morphology*. Moscow: Nauka, 1988.
10. Kubryakova E.S. *The morphology of the modern theoretical and typological studies*. Moscow, 1987.
11. Kubryakova E.S. Cognitive aspects of morphology. *Language: Theory, History, Typology*. Moscow, 2000. Pp. 22-27.
12. Ol'khovikov B.A. *Theory of language and the type of grammatical description in the history of linguistics*. Moscow, 1985.
13. Reformatskiy A.A. *Essays on phonology, morphonology, morphology*. Moscow: Nauka, 1979.
14. Serebrennikov B.A. *The role of the human factor in language: Language and thought*. Moscow: Nauka, 1988.
15. Skalichka V. *The relationship between morphology and syntax*. Moscow: Progress, 1978. Pp. 69-79.
16. Slyusareva N.A. *Problems of functional morphology of Modern English*. Moscow: Nauka, 1986.
17. Stepanov Yu.S. *Names. Predicates. Sentences (semiological grammar)*. 2nd edition. Moscow: Editorial URSS, 2002.
18. *Linguistics in Czechoslovakia*. Moscow: Progress, 1978
19. Anderson, St. *Inflectional morphology. Language typology and syntactic description*. Cambridge, Mass., 1985. Vol. III. Pp. 150-201.
20. Anderson, St. *Morphological theory. Linguistics: The Cambridge survey*. Cambridge, 1988. Vol. I: Linguistics theory: Foundations. Ed. By Newneyer F.J. Pp. 146-191.
21. Aronoff M. *Word formation in generative Grammar*. Cambridge, 1976. 134 p.
22. Beard R. *Lexeme - Morpheme Base Morphology: a General Theory of Inflection and Word Formation*. State University of N.Y., 1995. 433 p.
23. Bybee J.L. *Morphology: A Study of the Relation Between Meaning and Form*. Amsterdam, 1985. 234 p.
24. Bybee J.L. Morphology as Lexical Organization. *Theoretical Morphology. Approaches in Modern Linguistics*. N.Y.: Academic Press, 1988. Pp. 119-141.
25. Jackendoff R. *Semantics and Cognition*. Cambridge: The MIT Press, 1984.
26. Langacker R.W. *Grammar and Conceptualization*. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2000.
27. Plank F. *Morphologische (Ir=) Regularitäten: Aspekte der Wortstrukturtheorie*. Tübingen: Narr, 1981. 298 S.
28. Scalise S. *Generative morphology*. Dordrecht, 1986. 237 p.
29. Selkirk E. *The Syntax of word*. Cambridge (MA): MIT, 1982. 136 p.
30. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. 2-nd edition. Concept Structuring System: The MIT Press. Cambridge, Massachusetts, London, England, 2001. Vol. 1. 565 p.

УДК 81-139

*Дрыгина Ю.А.***АНАЛИЗ БАЗОВОГО
КОМПОНЕНТА ДИСКУРСА
УПРАВЛЕНЦА И ЯЗЫКОВЫХ
ОСОБЕННОСТЕЙ
ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ**

*Дрыгина Юлия Анатольевна, доцент кафедры английской филологии
и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(НИУ «БелГУ»)*

*ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: drygina@bsu.edu.ru*

Аннотация

Данная статья посвящена рассмотрению управленческого дискурса и выявлению языковых средств репрезентации одного из участков ментальной модели, лежащей в его основе – цели. Для анализа применялись методы дискурс-анализа и когнитивного моделирования. В работе рассматриваются различные подходы к определению управления, на основании чего управленческий дискурс определяется как целенаправленная речевая деятельность управляющего, наделенного властными полномочиями, по убеждению или принуждению управляемого к выполнению определенных действий, по организации всего процесса управления и контроля над ним, что ведет к достижению цели, намеченной управляющим. В ходе анализа одного из выступлений британского премьер-министра выявляются также используемые для этого языковые стратегии, важнейшими из которых являются усиление, приведение примера и повтор.

Ключевые слова: управленческий дискурс; когнитивные модели; речевые стратегии.

Drygina Yu.A.

***THE ANALYSIS OF A BASIC
COMPONENT OF MANAGEMENT
DISCOURSE AND LANGUAGE
PECULIARITIES OF ITS
REPRESENTATION***

Drygina Yuliya Anatolyevna
PhD in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: drygina@bsu.edu.ru

ABSTRACT

The paper deals with management discourse and reveals some linguistic means of a fragment of a mental model underlying it – the goal. Discourse analysis and cognitive modeling methods were used in this research. Different approaches for the definition of the term “management” are dealt with and this enables to define management discourse as a goal-oriented speech activity of a manager having powers of authority to convince or make someone do definite actions that help organize the process of management and lead to achieving the goal. In the process of analyzing one of the speeches of the British Prime Minister the author reveals some language strategies including intensification, example-setting and repetition.

Key words: management discourse; cognitive models; speech strategies.

Введение. Исследования дискурса занимают значительное место в современной лингвистике и привели к весьма существенным результатам – сформировались концепции исследования дискурса, разработана методология дискурс-анализа, рассмотрена структура дискурса, его единицы и категории, а также предложены разнообразные типологии дискурса [6, 7, 8, 9].

Но несмотря на обилие работ, посвященных типам и жанрам дискурса, есть отдельные его виды и жанры, которые, на наш взгляд, не получили должного внимания. К ним относится управленческий дискурс. В настоящий момент нет однозначного определения этого феномена, не определена сущность, не характеризованы структура и компоненты управленческого дискурса, его связи и взаимопересечения с другими дискурсивными жанрами и целый ряд других особенностей.

Исследование именно управленческого дискурса представляется актуальным, и обусловлено это как экстралингвистическими, так и лингвистическими факторами.

К экстралингвистическим факторам можно отнести важнейшую роль управления как одного из явлений общественной природы, позволивших человечеству совершенствоваться и двигаться по пути к цивилизованности, совершенствовать коммуникацию и организовывать усилия для достижения качественных преобразований в развитии современного общества.

К собственно лингвистическим факторам можно отнести неослабевающий исследовательский интерес к аспектам дискурсивного анализа, в том числе к изучению различных дискурсивных типов и жанров. Огромное разнообразие существующих в настоящее время концепций и разработок в области анализа дискурса требует глубокого, всестороннего изучения когнитивных механизмов, организующих и порождающих дискурс, а также определяющих выбор языковых средств его реализации.

Цель работы. Данная работа посвящена исследованию управленческого дискурса как ментальной модели и выявлению языковых средств репрезентации одного из участков данной модели – цели. Важно также выявить используемые для этого языковые стратегии и тактики.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужил ряд вы-

ступления британского премьер-министра Дэвида Кэмерона за последние годы. Подобные дискурсивные произведения традиционно рассматривают как дискурс политический, но представляется, что понятие управленческого дискурса несколько шире и, если не включает в себя такие жанры как политический и деловой дискурс, то, несомненно, пересекается с ними.

В работе применялись методы дискурс-анализа и когнитивного моделирования как одного из весьма перспективных направлений современной науки о языке, главным преимуществом которого является направленность на выявление и объяснение роли языковых структур в ментальных процессах понимания и продуцирования речи.

Результаты исследования и их обсуждение. Ни одно современное исследование, выполненное в рамках когнитивного подхода к языку, немислимо без привлечения знаний об окружающем мире, иными словами, экстралингвистической информации, поскольку она является важнейшим звеном для построения любой ментальной модели. Обратимся к данным теории управления как для определения самого понятия управления, так и для выявления его ключевых характеристик.

Как и любое базовое понятие, управление получает различные трактовки в разных концепциях.

Анализируя существующие подходы к анализу управления, Г. В. Атаманчук отмечает, что наиболее частым и исторически давним является раскрытие управления через управленческую деятельность. Управление считают, таким образом, особой, своеобразной деятельностью, осуществляемой в так называемых управляющих структурах и направленную на выработку, принятие и реализацию управленческих решений, а также на совершение управленческих действий [3]. В следующей концепции управление отождествляют с разного рода взаимодействиями в системах различной природы (биологических, социальных, технологических и др.). Еще один подход усматривает управление в связке вертикальных отношений «команда – подчинение», акцентируя внимание на неукоснительном исполнении команд. И, наконец, в четвертой из рассмотренных Г.В. Атаманчуком теорий управления оно интерпретируется через термин «воздействие» или «целенаправленное

воздействие», «сознательное воздействие», что связывает «управление» с человеком и творимым им обществом [3].

Обобщая накопленный опыт в рассмотрении управления, Г.В. Атаманчук полагает, что управление как «явление (категорию) можно выразить в следующем виде: это целеполагающее (сознательное, преднамеренное, продуманное, спланированное и т. д.), организующее и регулирующее воздействие людей на собственную (личную), групповую, коллективную и общественную жизнедеятельность, осуществляемое как непосредственно (в формах самоуправления), так и через специально созданные структуры (государство, общественные объединения, партии, предприятия, учреждения, фирмы, ассоциации, союзы и т. п.). [3, 33].

Обращаясь к работам других авторитетных исследователей феномена управления, находим следующие его определения:

Управление – «направленное воздействие на управляемый объект с целью достижения результата», «процесс создания целенаправленного взаимодействия субъекта и объекта управления ради достижения социально значимых результатов» [2, с. 33]; «всевозможные формы и методы воздействия на объект с целью достижения желаемого результата» [1, с. 9-10]; «всеобщая человеческая деятельность, являющаяся неотъемлемым элементом большинства видов труда» [5, с. 7].

Как видно из приведенных дефиниций, во всех отмечается социальный характер управления, тот факт, что это определенная деятельность человека, а также подчеркивается, что в управлении реализуется особое воздействие.

Суть данного воздействия как отмечает Г. В. Атаманчук, выражается в трех элементах – целеполагании, организации и регулировании.

Очевидно, что управление всегда предполагает существование трех явлений – субъекта, объекта и взаимодействия между ними.

Таким образом, характеризуя в самых общих чертах ментальную модель управления, мы, основываясь на экстралингвистических данных, включаем в нее субъект управления, объект управления, и воздействие управляющего на управляемого, которое включает в себя компоненты целеполагание, организация и регулирование.

Управленческий дискурс можно определить как целенаправленную речевую деятель-

ность управляющего, наделенного властными полномочиями, по убеждению или принуждению управляемого к выполнению определенных действий, по организации всего процесса управления и контроля над ним, что ведет к достижению цели, намеченной управляющим.

Обратимся к анализу языкового материала, чтобы проследить, каким образом в управленческом дискурсе отражается такой компонент ментальной модели как целеполагание.

В самом начале своего выступления на лондонской конференции, посвященной ситуации в Сомали, британский премьер-министр намечает основную цель, стоящую перед странами, участвующими в конференции – помощь государству, находящемуся в тяжелом положении “it’s natural to want to help any country in such distress”.

Оглашение этой цели предваряет краткая характеристика ситуации в Сомали с использованием многочисленных эпитетов “truly heart-breaking”, “terrible scenes” метафор “torn apart by famine”, гипербол “the worst poverty on earth”. Данные средства эмоционального воздействия на аудиторию характерны для такого жанра политического и, соответственно, управленческого дискурса как публичное выступление:

“First, why we are all here. For two decades Somalia has been torn apart by famine, bloodshed and some of the worst poverty on earth. As many as one million have died. The terrible scenes we all saw with the famine last year were truly heart-breaking, with death and suffering on a scale that no country and no people should ever have to endure in today’s world ... Of course, it’s natural to want to help any country in such distress”[10].

Этап целеполагания – важнейший этап во всей структуре управленческой деятельности, поэтому необходимость реализации поставленной цели тщательным образом аргументируется британским премьер-министром далее:

“These problems in Somalia don’t just affect Somalia. They affect us all. In a country where there is no hope, chaos, violence and terrorism thrive. Pirates are disrupting vital trade routes and kidnapping tourists. Young minds are being poisoned by radicalism, breeding terrorism that is threatening the security of the whole world. If the rest of us just sit back and look on, we will pay a price for doing so. So as an international com-

munity, it is in all our interests to try and help the Somali people address these problems. And yet for two decades politicians in the West have too often dismissed the problems in Somalia as simply too difficult and too remote to deal with. Engagement has been sporadic and half-hearted. That fatalism has failed Somalia. And it has failed the international community too.

Today we have an unprecedented opportunity to change that. There is a real momentum right now" [10].

К уже употреблявшимся ранее эмоционально окрашенным эпитетам "vital trade routes", "sporadic and half-hearted", "unprecedented opportunity", гипербол "there is no hope", метафор "Young minds are being poisoned", добавляются повторы, как на лексическом, так и на синтаксическом уровне "These problems in Somalia don't just affect Somalia. They affect us all", "That fatalism has failed Somalia. And it has failed the international community too".

Подводя итог этапа целеполагания британский премьер-министр подчеркивает ключевую роль именно жителей Сомали в решении собственных проблем "the problems in Somalia can only be solved by the Somali people" обещая при этом помощь и поддержку западных стран "we're here to get behind your efforts and help you to turn things around".

К элементам высокого стиля, придающим пафосность и торжественность отнесем лексические стилистический прием метафоры "fulfil its potential as a key player":

"...the problems in Somalia can only be solved by the Somali people. So we are not here to impose solutions on a country from afar. Nor are we here to tell you, the Somali people, what to do. But rather, we're here to get behind your efforts and help you to turn things around. If everyone comes together and does their bit I am absolutely convinced that Somalia can solve its problems and ultimately fulfil its potential as a key player in Africa and the world" [10].

Завершив, таким образом, реализацию такого этапа ментальной модели как целеполагание, Дэвид Кэмерон переходит к этапу организационному, в котором намечает пути решения сложившихся проблем во имя достижения главной цели.

Говоря о речевых стратегиях, которыми пользуется Дэвид Кэмерон, мы будем пользоваться классификацией таких стратегий,

предложенной Т. А. ван Дейком – обобщение, приведение примера, поправка, усиление, уступки, повтор, контраст, смягчение, сдвиг, уклонение [4, с. 297].

Наиболее рекуррентной стратегией является, безусловно, усиление, направленное на лучший или более эффективный контроль над вниманием слушающего, на подчеркивание определенной информации, например "death and suffering on a scale that no country and no people should ever have to endure in today's world", далее следует стратегия обобщения – "the security of the whole world", следующая весьма эффективная стратегия – приведение примера – "there is no hope, chaos, violence and terrorism thrive". Все упоминавшиеся выше примеры лексического и синтаксического параллелизма демонстрируют стратегию повтора.

Заключение

Проведенный таким образом лингвистический и прагматический анализ небольшого участка ментальной модели, лежащей в основе управленческого дискурса – этапа целеполагания – позволил выявить его основополагающую роль для всего процесса управления и показать разнообразие стилистических средств и прагматических стратегий, используемых для его реализации.

Управленческий дискурс был определен как целенаправленная речевая деятельность управляющего, наделенного властными полномочиями, по убеждению или принуждению управляемого к выполнению определенных действий, а ведущими прагматическими стратегиями, реализующими этап целеполагания можно признать усиление, приведение примера и повтор.

Данный анализ не может, безусловно, претендовать на полноту и целостность, однако, он позволяет наметить целый ряд проблем, требующих дальнейшего решения.

Это, во-первых, создание целостной многомерной когнитивной модели управленческого дискурса, иными словами, определение всей структуры модели и роли каждого компонента в ней. Далее необходимо, на наш взгляд, выделить те сферы, которые могут быть объединены понятием управленческого дискурса. Важной задачей является описание основных стратегических и тактических приемы, использующихся в дискурсе управленца, а также исследовать тезаурус управленческого дискурса и его когнитивные характеристики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Антонова Н. Б. *Теория и методология государственного управления: курс лекций* / Н. Б. Антонова, Л. М. Захарова, Л. С. Вечер. 3-е изд., доп. Мн.: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2005. 231 с.
2. Архипова Н.И., Архипова Т.Г., Седова О.Л. *Введение в специальность: государственное и муниципальное управление*. Учеб. пособие РГГУ 2006. 66 с.
3. Атаманчук Г. В. *Управление в жизнедеятельности людей (очерки проблем)* М.: Изд-во РАГС, 2008. 400 с.
4. Дейк ван Т. А. Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предрасположений // *Язык. Познание. Коммуникация* Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000 С. 268-303
5. Пивнев Е. С. *Теория управления. Учебное пособие*. Томск: Томский межвузовский центр дистанционного образования, 2005. 246 с.
6. *Continuum Companion to Discourse Analysis*. Ed. by Hyland K., Paltridge B. L., Continuum International Publishing Group, 2011. 410 p.
7. *Corpora and Discourse. The challenges of different settings*. Ed. by Ädel A., Reppen R. Vol. 31 Amsterdam. Philadelphia. John Benjamins Publishing Company. 2008. 305 p.
8. Language in the context of use. Discourse and cognitive approaches to language. *Cognitive Linguistics Research 37*. Ed. by Geeraerts D., Dirven R., Taylor J.R., Langacker R.W. Berlin, New York. Mouton de Gruyter. 2008. 372 p.
9. Mills S. *Discourse. The new critical idiom*. L., N.Y. Routledge, 1997. 188 p.
10. Prime Minister's Speech at Somalia Conference. *Cabinet Office, Prime Minister's Office, 10 Downing Street and The Rt Hon David Cameron MP Delivered on: 23 February 2012 (Transcript of the speech, exactly as it was delivered)* Published 23 February 2012 URL: www.gov.uk/government/speeches/prime-ministers-speech-at-somalia-conference (дата обращения: 15.07.2014).

REFERENCES:

1. Antonova, N. B. *Theory and Methods of State Management* / N. B. Antonova, L. M. Zakharova, L. S. Vecher 3-e izd., dop. Mn.: Akad. upr. pri Prezidente Resp. Belarus', 2005. 231 p.
2. Arkhipova N. I., Arkhipova T. G., Sedova O. L. *Introduction to the Course. State and Municipal Management*. Ucheb. posobie RGGU 2006. 66 p.
3. Atamanchuk G. V. *Management in the Life of People* Moscow: Izd-vo RAGS, 2008. 400 p.
4. Deyk van T. A. *Cognitive and Speech Strategies of Ethnic Prejudices Expression* // *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* B.: BGK im. I. A. Boduena de Kurtene, 2000. Pp. 268-303
5. Pivnev E. S. *Management Theory*. Tomsk: Tomskiy mezhvuzovskiy tsentr distantsionnogo obrazovaniya, 2005. 246 p.
6. *Continuum Companion to Discourse Analysis*. Ed. by Hyland K., Paltridge B. L., Continuum International Publishing Group, 2011. 410 p.
7. *Corpora and Discourse. The challenges of different settings*. Ed. by Ädel A., Reppen R. Vol. 31 Amsterdam. Philadelphia. John Benjamins Publishing Company. 2008. 305 p.
8. Language in the context of use. Discourse and cognitive approaches to language. *Cognitive Linguistics Research 37*. Ed. by Geeraerts D., Dirven R., Taylor J.R., Langacker R.W. Berlin, New York. Mouton de Gruyter. 2008. 372 p.
9. Mills S. *Discourse. The new critical idiom*. L., N.Y. Routledge, 1997. 188 p.
10. Prime Minister's Speech at Somalia Conference. *Cabinet Office, Prime Minister's Office, 10 Downing Street and The Rt Hon David Cameron MP Delivered on: 23 February 2012 (Transcript of the speech, exactly as it was delivered)* Published 23 February 2012 URL: www.gov.uk/government/speeches/prime-ministers-speech-at-somalia-conference (date of access: July 15, 2014).

УДК 81-13

*Дьяченко Т.Д.***ПЕРСПЕКТИВЫ
ХОЛИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА
И ТЕОРИИ ГЕШТАЛЬТОВ
В ИССЛЕДОВАНИИ
ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ**

Дьяченко Татьяна Дмитриевна, доцент кафедры английского языка и методики преподавания, кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы 85 г. Белгород, 308015, Россия; E-mail: tdyachenko@bsu.edu.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются принципы холистического подхода к анализу языковых явлений, основные положения теории гештальтов с точки зрения перспектив их применения в исследовании когнитивных оснований глагольных категорий, имеющих языковую реализацию на различных уровнях.

Ключевые слова: холистический подход; гештальт; категория; свойство.

*Dyachenko T.***POSSIBILITIES OF HOLISTIC
APPROACH AND GESTALT
THEORY IN ANALYZING
GRAMMATICAL CATEGORIES
OF THE VERB**

Dyachenko Tatiana, PhD in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University; 85 Pobedy St. Belgorod, 308015, Russia
E-mail: tdyachenko@bsu.edu.ru

АBSTRACT

The article approaches the cognitive base of the grammatical categories of the verb from the holistic point of view with respect to the main principles of gestalt theory. Language phenomena are viewed as the result of multilevel realization of the key properties of gestalt structures.

Key words: holistic approach; gestalt; category; property.

На современном этапе развития лингвистической науки происходит пересмотр устоявшихся подходов к языковым фактам, ограниченным их эксплицитным проявлением. Все больше исследований основываются на принципе реализации некой функции средствами различных языковых уровней. Причем эта реализация может проявляться косвенным образом. Несмотря на то, что о наличии скрытых языковых категорий речь велась в трудах лингвистов многих поколений, лишь с недавнего времени такие категории стали рассматриваться наравне с эксплицитными средствами языка в качестве отражения глубинных когнитивных механизмов.

Уже долгое время европейская лингвистика базируется на том принципе, что само существование и ключевые характеристики более крупных языковых единиц (слов, словосочетаний, предложений.) должны рассматриваться исходя из свойств их составляющих. Kalman называет данный подход лингвистическим атомизмом, по аналогии с термином «социальный атомизм» [9]. То же самое происходит, когда свойства атома выводятся из свойств составляющих его молекул, тогда как свойства молекул объясняются свойствами атома [10].

Kalman предлагает использовать термин «холистический», но не в противоположность модульному подходу, как это часто делается в трудах по когнитивной лингвистике [11], но как альтернативу атомистическому подходу.

Распространение в современной науке подхода к изучаемому явлению с точки зрения его целостности обусловлено недостаточностью сколь угодно глубокого и разностороннего исследования отдельных частей целого, поскольку целое, как утверждают принципы холистического подхода, всегда обладает собственными, лишь ему присущими свойствами и качествами, которые нельзя обнаружить в его составных элементах.

Холизм как философская и общенаучная позиция ставит во главу угла проблему соотношения части и целого, исходя из качественного приоритета и своеобразия целого по отношению к его составным элементам. Первичность целого по отношению к сумме его частей представляется онтологическим

принципом холизма, обнаруживаемым уже в трудах основоположников большинства философских концепций. По мысли Гегеля, только целое имеет смысл [5]. Как единое целое Материя и Дух рассматриваются Платоном [5]. Древнегреческий ученый Гераклит говорил следующее: «Из одного – всё, из всего – одно» [5]. В рамках гносеологии холизм базируется на принципе предшествования познания целого познанию его частей.

В истории научной мысли холистические принципы применялись, прежде всего, к познанию человека. Единым целым видится Человек и Вселенная. По словам Гиппократов, «человек есть универсальная и единая часть от окружающего мира» [5]. С древности и до XVII столетия холизм господствовал в европейской науке. Но с XVII и вплоть до XIX века происходит утверждение и распространение механистических и редукционистских взглядов, представляющих любую систему как сумму или производное ее частей. Главенствующее место в научной методологии занимает эксперимент, и холизм уходит на периферию научной мысли на несколько столетий.

Однако в XX веке интерес к холистическим принципам снова возрастает, поскольку классическое понимание картины мира утрачивает свои позиции. К этому периоду относится появление термина «холизм» (от «холон» - в греческом «целостность, цельность»).

В настоящее время принципы холистического подхода к объекту исследования распространились на большинство наук. Так, ведущим является целостный подход к изучению сообществ живых организмов как единого целого, экологии, к изучению здоровья человека. Перспективность холистических принципов в развитии компьютерного моделирования нейронных сетей подчеркивается Х. Дрейфусом [2].

В лингвистике холистическое направление развивалось так же, как и в мировой науке в целом. Преобладание принципа редукционизма связывают с влиянием формально-лингвистической школы, в которой особое внимание уделялось флективной морфологии.

Тем не менее, в дальнейшем в лингвистической науке принцип целостного понимания исследуемого языкового феномена был

принят ведущими специалистами различных направлений, как в нашей стране, так и за рубежом.

Анализу значения предложения в холистической модели посвящены труды М.Ю. Рябовой, рассматривающей проблему парадоксальной коммуникации. Холистический подход, по мнению автора, связан с представлением о конвенциональности значений. В теории интерпретации теория истины обеспечивает только формальную структуру, на которой основана лингвистическая интерпретация: такая теория встроена в более широкий подход, рассматривающий взаимосвязи между высказываниями, другими видами поведения и установками; кроме того, применение теории интерпретации к действительному лингвистическому поведению должно принять во внимание динамический и изменяющийся характер такого поведения [4].

Д. Дэвидсон в своей работе «Истина и значение» (Truth and Meaning) говорит о том, что части предложения не обладают никаким иным значением, кроме онтологически нейтрального, позволяющего им оказывать систематическое воздействие на значение тех предложений, в которых они встречаются. Одним из следствий этого положения является холистический подход к значению. Если значение предложений зависит от их структуры, и мы считаем значением каждой единицы этой структуры не что иное, как абстракцию, полученную из совокупности предложений, содержащих данную единицу, то мы можем задать значение любого предложения (или слова) единственным способом, а именно указанием значения каждого предложения (или слова) языка [8].

По мнению Фреге, слово имеет значение только в контексте предложения, продолжая его мысль, можно сказать, что предложение и, следовательно, слово, имеет значение только к контексту всего языка [8]. Таким образом, целостный подход применяется не только к рассматриваемому языковому феномену, но и к языку в целом.

Базовые принципы описания гештальтных структур в лингвистике выделены в работе Дж. Лакоффа «Лингвистические геш-

тальты» [3]. Исследователь полагал, что язык отражает способ, с помощью которого человек представляет себе мир. Тем самым он обосновывал необходимость построения такой теории языка, которая бы отражала человеческий опыт. По его мнению, именно такое требование предъявляется к основанной на опыте лингвистике: широкий круг эмпирических факторов — восприятие, мышление, устройство человеческого тела, эмоции, память, социальные структуры, сенсорно-моторные и познавательные процессы и т.п. — в значительной степени, если не целиком, обуславливает универсальные структурные характеристики языка [3].

Как указывает автор, основное, что он хотел показать, состоит в следующем: мысли, восприятия, эмоции, процессы познания, моторная деятельность и язык организованы с помощью одних и тех же структур, которые он называет гештальтами. Исследователь понимает под этим термином следующее.

1. Гештальты являются одновременно целостными и анализируемыми. Они состоят из частей, но не сводимы к совокупности этих частей. Гештальты в целом обладают определенными дополнительными свойствами, и их части также могут располагать дополнительными свойствами, если рассматривать их в рамках гештальта в целом.

2. Гештальты разложимы более чем одним способом, в зависимости от принятой точки зрения. Это означает, что возможен единственный способ разложения гештальта на части, но при другой точке зрения допустимы и другие способы «правильного» разложения гештальтов.

3. Части гештальта связаны внутренними отношениями, которые подразделяются на ряд типов. Способ соотношения частей в рамках гештальта входит в содержание самого гештальта. Эти отношения в принципе принадлежат к разным типам, и при описании гештальта типы отношений должны быть указаны. Свойства гештальта и типы отношений между его частями могут быть различными в зависимости от того, какая точка зрения принята.

4. Гештальт может быть связан внешними отношениями с другими гештальтами. Он

может составлять часть другого гештальта или проецироваться на другой иным способом. При проецировании части одного гештальта отображаются на части другого гештальта. Результатом проецирования будет «наследование» частями второго гештальта свойств и отношений первого. Существуют различные типы проецирования, например умозаключения (они транзитивны) или проецирование, отражающее произвольные, символические или культурные ассоциации (они обычно нетранзитивны).

5. Внешние соотношения гештальта с другими гештальтами являются свойством гештальта в целом. Эти внешние отношения также могут быть различными в зависимости от принятой точки зрения.

6. Проецирование гештальта на другой гештальт может быть частичным. Гештальты могут также иметь частичное сходство друг с другом, степень сходства зависит от степени близости связи между ними.

7. Гештальт, включенный в качестве части в другой гештальт, может приобрести новые свойства.

8. Одним из свойств гештальта может быть то, что он находится в отношении оппозиции к другому гештальту,

9. Некоторые свойства гештальта могут выделяться как базисные свойства. Гештальты, находящиеся в отношении оппозиции, обычно имеют одинаковые базисные свойства.

10. Гештальты — это структуры, используемые в процессах — языковых, мыслительных, перцептуальных, моторных или других.

11. Процессы сами по себе можно рассматривать как гештальты.

12. При анализе гештальтов не выдвигается требования необходимости подразделения анализируемой сущности на элементарные части. Анализ, осуществляемый человеком, ограничен возможностями, намерениями и точкой зрения человека. При разных возможностях, намерениях и точках зрения результаты анализа будут различаться не только степенью детализированности, но и самими выделенными частями. Так, например, в семантике нет необходимости доводить анализ до элементарных, атомарных предикатов.

13. Гештальты могут пересекаться.

14. В гештальтах должны быть разграничены прототипические и непрототипические свойства.

15. Гештальты часто относятся к смешанному типу. Это означает, что свойства гештальтов неоднородны. Так, сенсорно-моторные гештальты включают как перцептуальные, так и моторные свойства. Лингвистические гештальты будут включать несколько типов свойств — грамматические, семантические, фонологические, функциональные.

Теория лингвистических гештальтов должна соотноситься с теорией речевых процессов, чтобы гештальты могли непосредственно управлять как производством, так и пониманием речи.

Лингвистические гештальты можно рассматривать как способ соотнесения значений с поверхностными формами. Однако, задача автора состояла в выдвижении лингвистических принципов в такой форме, чтобы они не только были пригодны для лингвистического анализа, но также играли непосредственную роль в моделях речевой деятельности, а кроме того, будучи обобщены, служили бы в качестве гештальтов волеприятия, сенсорно-моторных гештальтов и гештальтов умозаключений [3]. В этом отношении очень показательны примеры, приводимые в [7]. Авторы убедительно демонстрируют взаимосвязь глубины усвоения лингвистической модели и частотности ее употребления как единого целого, являющегося неким паттерном, на основании которого в дальнейшем закрепляются новые структуры.

Н.Н. Болдырев рассматривает гештальт как единицу ментального уровня, выступающую в виде целостного образа воспринятого явления, результат нерасчленённого восприятия [1].

Привлечение принципов гештальта встречается в работе А.Ю. Фоминой, рассматривающей конструкции с вторичной предикацией с точки зрения репрезентации макрособытия. Принцип гештальта (принцип «правильного завершения»), по мнению автора, выступает в качестве когнитивного принципа структурирования знаний в области конструкций с вторичной предикацией. В соответствии с названным принципом макрособытие представ-

ляется целостным нерасчлененным образом воспринятого явления, в рамках которого выделяются два элемента – микрособытия [6]. Коррелирующие связи между событиями становятся понятными только в рамках целого гештальта. Мысленное соотнесение микрособытий в рамках макрособытия осуществляется с опорой на когнитивный механизм профилирования, обеспечивающий выделение одного микрособытия на фоне другого. Профилируемая информация является уточняющей. А фон выражен первичной предикацией.

Одним из вариантов применения основных положений холистического подхода и теории гештальтов является исследование сложных грамматических категорий, в частности, глагольной категории залога. Согласно принципам холистического подхода, все многообразие разноуровневых средств выражения залоговых отношений можно рассматривать как способ реализации диатезы современного английского предложения.

Первым этапом исследования является описание гештальтных качеств концепта «Диатеза» и средств их языковой реализации в личных и неличных формах английского глагола.

Проведение анализа в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы подразумевает изучение языковых средств при помощи моделирования их когнитивного основания. Принципиальным при этом является функциональный подход к описанию сущности грамматической категории.

Являясь гештальтом, концепт «Диатеза» представляется целостным и, вместе с тем, анализируемым явлением. Он состоит из частей, в качестве которых можно рассматривать различные векторы направления действия или процесса в широком понимании данного термина. Так, вектор может быть прямым, обратным, взаимно направленным, возвратным, каузативным. Каждый из указанных векторов связан внутренними отношениями с другими векторами. При этом каждый из векторов обладает собственными дополнительными свойствами, если рассма-

тривать их в рамках залогового гештальта в целом.

Залоговый гештальт связан внешними отношениями с другими гештальтами, формирующими когнитивное основание грамматических категорий, обеспечивающих реализацию предикативности на уровне предложения-высказывания.

Вполне справедлив для категории залога и тот принцип гештальта, согласно которому гештальтная структура может раскладываться на компоненты более чем одним способом. Частями рассматриваемого гештальта могут быть как векторы направления действия, так и система причастий, противопоставленных по залоговому принципу, и в целом система личных и неличных форм глагола.

Конечной целью исследования рассматриваемой глагольной категории должно стать системное описание средств реализации гештальтных качеств концепта «Диатеза» в его соотношении с предикативной функцией предложения. Результат исследования, отражающий реализацию указанной цели, предполагает следующие критерии:

- представление залога как гештальтного концепта, являющегося когнитивным основанием грамматической категории, выявление соотношения понятий «залог» и «диатеза»,
- применение принципов изучения категории залога с позиций функциональной лингвистики,
- моделирование залогового гештальта и описание его сущностных свойств,
- анализ языковых средств реализации гештальтных качеств Диатезы на примерах фактического материала,
- разработка целостной методики описания гештальтных качеств грамматической категории.

Таким образом, универсальность гештальта как модели в рамках лингвистических исследований дает широкие возможности как с точки зрения анализа конкретных языковых фактов, так и в целом в плане дальнейшей разработки теории языка в когнитивном аспекте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Болдырев Н.Н. *Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии*. Изд. 3-е. Тамбов: ТГУ, 2002. 123 с.
2. Дрейфус Х. *Чего не могут вычислительные машины. Критика искусственного разума*. М.: Прогресс, 1978. 336 с.
3. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика / Москва: Прогресс, 1981. С. 48-69.*
4. Рябова М.Ю. *Холистическая модель интерпретации смысла коммуникации. Проект Sword 2011*. Режим доступа: <http://www.sworld.com.ua/index.php/en/philosophy-and-philology/linguistics-and-foreign-languages-in-the-world-today/1634-ryabov-mj>.
5. *Философский словарь: 22-е, новое, переработ. изд.* М: Республика, 2003. С. 95-97.
6. Фомина А.Ю. *Конструкция с вторичной предикацией как средство репрезентации макрособытия*. Дисс...канд. фил. наук. Тамбов, 2007. 197 с.
7. Bybee J. L., Hopper P. *Frequency and the emergence of language structure*. John Benjamins, Amsterdam. 2001, 456 p.
8. Davidson D. Truth and Meaning. *Synthese* №17, 1967, Pp. 304-323.
9. Johansson I. *Review of Georg Meggle, ed., Social Facts and Collective Intentionality. Notre Dame Philosophical Reviews*. 2003, 19 p. Режим доступа: <http://ndpr.nd.edu/review.cfm?id=1224>.
10. Kalman L. *A holistic view in linguistics*. 2011. Режим доступа: <http://lingo.stanford.edu/sag/papers/kalman-holistic.pdf>.
11. Kravchenko A. Cognitive linguistics, biology of cognition and biosemiotics: Bridging the gaps. *Language sciences* 28, 2006. Pp. 51-75. Antonova, N. B. *Theory and Methods of State Management / N. B. Antonova, L. M. Zakharova, L. S. Vecher* 3-e izd., dop. Mn.: Akad. upr. pri Prezidente Resp. Belarus', 2005. 231 p.

REFERENCES:

1. Boldyrev N.N. *Cognitive semantics: Lectures on the English Philology*. Tambov: TSU, 2002. 123 p.
2. Dreyfus H. *What Computers can't do: a critique of artificial reason*. Moscow: Progress, 1978. 336 p.
3. Lakoff G. Linguistic Gestalts. *New conceptions in foreign linguistics. Issue 10. Linguistic semantics*. Moscow: Progress, 1981. Pp. 48-69.
4. Ryabova M.J. *Wholistic model of the interpretation of the meaning of communication. Project Sword*. 2011. Available on: <http://www.sworld.com.ua/index.php/en/philosophy-and-philology/linguistics-and-foreign-languages-in-the-world-today/1634-ryabov-mj>.
5. *Philosophical dictionary*. Moscow: Republic, 2003. Pp. 95-97.
6. Fomina A.J. *Secondary predication constructions as means of hyper event representation*. Candidate thesis. Tambov, 2007. 197 p.
7. Bybee J. L., Hopper P. *Frequency and the emergence of language structure*. John Benjamins, Amsterdam. 2001, 456 p.
8. Davidson D. Truth and Meaning. *Synthese* №17, 1967, Pp. 304-323.
9. Johansson I. *Review of Georg Meggle, ed., Social Facts and Collective Intentionality. Notre Dame Philosophical Reviews*. 2003, 19 p. URL: <http://ndpr.nd.edu/review.cfm?id=1224>.
10. Kalman L. *A holistic view in linguistics*. 2011. URL: <http://lingo.stanford.edu/sag/papers/kalman-holistic.pdf>.
11. Kravchenko A. Cognitive linguistics, biology of cognition and biosemiotics: Bridging the gaps. *Language sciences* 28, 2006. Pp. 51-75.

УДК 81'23

*Седых А.П.
Шевченко М.И.*

**К ВОПРОСУ
О СТРАТЕГИЯХ И ТАКТИКАХ
В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ
ДИСКУРСЕ**

Седых Аркадий Петрович, *д. филол. н., профессор*

Кафедра немецкого и французского языков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
ул. Победы 85 г. Белгород, 308015 Россия; *E-mail: sedykh@bsu.edu.ru*

Шевченко Мирослав Игоревич, *аспирант*

Кафедра немецкого и французского языков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
ул. Победы 85 г. Белгород, 308015 Россия; *E-mail: smi.bsu@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию речевого воздействия со стороны институциональной языковой личности. Анализируются типы стратегий и тактик личности политика. Описывается алгоритм исследования признаков институциональной языковой личности. Основой выявления существенных признаков языковой личности политика выступает лингвокогнитивный подход, учитывающий комплексные параметры институционального дискурса.

Ключевые слова: языковая личность, институциональный дискурс, стратегия, тактика, речевое воздействие, теория языка и коммуникации.

*Sedykh A.P.
Shevchenko M.I.*

**TO THE ISSUE
OF STRATEGY AND TACTICS
IN INSTITUTIONAL
DISCOURSE**

Sedykh Arkadiy Petrovich, *Doctor of Philology, Professor*

Head of Department of German and French, Faculty of Foreign Languages

Belgorod State National Research University; 85 Pobedy St., Belgorod, 308000, Russia
E-mail: sedykh@bsu.edu.ru

Shevchenko Mirosлав Igorevich, *Postgraduate Student*

Department of German and French

Belgorod State National Research University; 85 Pobedy St., Belgorod, 308000, Russia
E-mail: smi.bsu@gmail.com

АBSTRACT

The paper investigates the impact of speech on the part of institutional language personality. The types of strategies and tactics identity politics are analyzed. An algorithm for the study of the institutional features of the language person is nominated. The basis for identifying the essential features of the language of personality is a cognitive approach that takes into account the complex communicative parameters of a politician.

Key words: language personality; institutional discourse; strategy; tactics; speech influence; theory of language and communication.

При всем разнообразии проблем современного общества многих людей волнует речь представителей политической элиты. От речевого поведения политической элиты во многом зависит ее успех или провал на выборах, а, следовательно, и судьба страны. Именно поэтому во всех странах, начиная со школы и заканчивая работой специалистов-имиджмейкеров, огромное внимание уделяется именно речи и шире – речевому поведению (воздействию) человека, претендующего на власть.

Под речевым воздействием понимают речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности. Хорошо известно, что в любом акте речевого общения коммуниканты преследуют определенные неречевые цели, которые, в конечном счете, регулируют деятельность собеседника.

«Речевое воздействие – однонаправленное речевое действие, содержанием которого является социальное воздействие на говорящего в процессе общения» [5, с. 25]

В работе Л.Л.Федоровой выделяются следующие типы речевого воздействия:

1. Социальное.
2. Волеизъявление.
3. Разъяснение, информирование.
4. Оценочное и эмоциональное [6, с. 124].

В соответствии с предложенной классификацией к «социальному» относится воздействие в таких ситуациях, когда передачи информации как таковой нет, но есть определенные социальные акты (приветствие, клятва, молитва).

К волеизъявлениям отнесены речевые акты приказов, просьб, отказов, советов и т.д., то есть все речевые действия, направленные на то, чтобы объект выполнил волю говорящего. Оценочный и эмоциональный типы речевого воздействия связаны с общественными, объективно установленными морально-правовыми отношениями либо с областью межличностных субъективно-эмоциональных отношений (порицание, похвала, обвинение, оскорбление, угроза). К типу «разъяснение и информирование» автор относит объяснение, доклад, сообщение, признание.

Стратегия речевого поведения охватывает всю сферу построения процесса коммуникации, когда ставится целью достижение определенных долговременных результатов. В самом общем смысле речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. Иными словами, речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели.

Для анализа речевого общения и, в частности, речевых стратегий, из теории деятельности А.Н. Леонтьева наиболее продуктивны понятия цели, мотива, действия [3]. В упрощенном виде их соотношение может быть описано следующим образом. Действие – это целенаправленная активность человека, то есть каждое действие имеет свою цель (нет бесцельных речевых действий). Деятельность (как совокупность действий) также имеет свою цель, которая называется мотивом.

«Применяя понятия теории деятельности к речи, можно сделать вывод: речь имеет не только непосредственную цель, но и мотив – то, ради чего достигается речевая цель. Слушая речь другого человека, мы всегда стремимся понять, ради чего он говорит. Не понимая мотива речевых действий, мы до конца не можем понять смысл высказывания. Таким образом, любая деятельность (в том числе и речевая) представляет собой процесс, направляемый и побуждаемый мотивом – тем, в чем «опредмечена» та или иная потребность. Потребность – это всегда потребность в чем-то. До своего первого удовлетворения потребность «не знает» своего предмета, он должен быть обнаружен. Только после этого «предмет» приобретает свою побудительную силу, то есть становится мотивом» [4, с. 13].

«Речевая стратегия определяет семантический, стилистический и прагматический выбор говорящего» [7, с. 89]. Так, стратегия вежливости накладывает следующие ограничения: какое семантическое содержание следует выражать, а какое – нет; какие речевые акты уместны и какое стилистическое оформление приемлемо.

В зависимости от степени «глобальности» намерений речевые стратегии могут характеризовать конкретный разговор с конкретными целями (обратиться с просьбой, утешить и т.п.) и могут быть более общими, направленными на достижение более общих социальных целей (установление и поддержание статуса, проявление власти, подтверждение солидарности с группой и т.д.).

Классификация общих коммуникативных стратегий зависит от избранного основания. С функциональной точки зрения можно выделить основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные стратегии.

Стратегия, доминирующая в процессе коммуникационного взаимодействия, может быть названа «основной». В большинстве случаев к основным стратегиям относятся те, которые непосредственно связаны с воздействием на адресата, его модель мира, систему ценностей, его поведение (как физическое, так и интеллектуальное).

Вспомогательные стратегии способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата. Так, стратегически значимыми являются все компоненты коммуникативной ситуации: автор, адресат, канал связи, коммуникативный контекст (сообщение является предметом семантических стратегий). В связи с этим можно обнаружить стратегию самопрезентации, статусные и ролевые стратегии, эмоционально настраивающие стратегии и другие. Коммуникативная ситуация диктует и выбор речевого акта, оптимального с точки зрения интенции говорящего. Рассмотренные типы могут быть объединены в один класс – прагматических стратегий.

В соответствии с задачами контроля за организацией диалога применяются диалоговые стратегии, которые используются для мониторинга темы, инициативы, степени понимания в процессе общения.

Особый тип стратегических планов представляют риторические стратегии, в рамках которых используются различные приемы ораторского искусства и риторические техники эффективного воздействия на адресата.

Таким образом, к вспомогательным следует отнести прагматические, диалоговые и риторические типы стратегий [7, с. 99].

В политическом дискурсе можно выделить три стратегии:

- 1) стратегия на понижение;
- 2) стратегия на повышение;
- 3) стратегия театральности.

Каждая стратегия политического дискурса реализуется благодаря использованию определённого набора тактик. Под тактиками в данном исследовании понимается совокупность приёмов, обуславливающих применение языковых средств.

Рассмотрим подробнее использование тактик при реализации стратегий политического дискурса.

Направленность на соперника, стремление развенчать его позиции предполагает стратегию «игры на понижение». Реализуется эта стратегия через следующие тактики.

1. Тактика анализ - «минус» – основанное на фактах рассмотрение, разбор ситуации, предполагающий выражение отрицательного отношения к описываемому, а также – к людям, их действиям и поступкам.

2. Тактика обвинения – приписывание кому-либо какой-либо вины, признание виновным в чём-либо, а также раскрытие, обнаружение чьих-либо неблагоприятных действий, намерений, качеств.

3. Тактика безличного обвинения – обвинение, при котором не указываются виновники осуждаемых действий или поступков, т.е. те лица, чьи злоупотребления, тайные замыслы и т.п. становятся предметом открытого обсуждения и осуждения.

4. Тактика обличения – приведение с целью уличения фактов и аргументов, делающих явной виновность, преступность кого-либо.

5. Тактика оскорбления – нанесение обиды, унижение, уязвление кого-либо, сопровождаемое экспликацией эмоционального составляющего компонента вместо приведения доказательств.

В результате анализа тактик, репрезентирующих стратегию на понижение, можно сделать вывод о том, что их общей чертой является как эксплицитное, так и имплицитное выражение отрицательного отношения говорящего (Sb-1) не только к предмету речи, но и к адресату (Sb-2). Выбор стратегии на понижение отражает наличие у говорящего

установки негативного характера, поскольку адресат чаще всего является политическим противником, оппонентом. Кроме того, следует отметить, что противоборство участников детерминирует активность, направленную на овладение коммуникативной инициативой. Таким образом, стратегия на понижение реализует установку, состоящую в развенчании притязаний на роль, в блокировании «игры на повышение». В результате действия данной установки отчётливо прослеживается стремление говорящего дискредитировать оппонента.

Стремление говорящего возвысить себя над соперником предполагает стратегию, «играющую» на повышение. Эта стратегия отражает стремление говорящего максимально увеличить значимость собственного статуса. Реализуется стратегия на повышение благодаря использованию следующих тактик:

1. Тактика анализ - «плюс» – основанное на фактах рассмотрение, разбор ситуации, предполагающий имплицитное выражение положительного отношения говорящего к описываемой ситуации.

2. Тактика презентации – представление кого-либо в привлекательном виде.

3. Тактика неявной самопрезентации – выраженное косвенно, без прямого указания на объект позитивного оценивания представление говорящим себя в привлекательном, выгодном свете.

4. Тактика отвода критики – приведение с целью доказательства невиновности аргументов и/или фактов, с помощью которых можно объяснить (оправдать) какие-либо действия и поступки.

5. Тактика самооправдания – отрицание негативных суждений об объекте критики и его причастности к тому, чему даётся отрицательная оценка.

Наличие в политическом дискурсе адресата-наблюдателя обуславливает реализацию стратегии театральности – «театральный» подход к ситуации, представляющий её «трактовку в качестве драмы, где люди стараются произвести друг на друга определённое впечатление» [2, с. 7].

Фактор аудитории (Sb-3), которую говорящий учитывает постоянно, предопределяет существование **стратегии театральности**

в политическом дискурсе. Как и другие стратегии, она представлена определённым набором тактик.

1. Тактика побуждения – призыв к какому-либо действию, принятию точки зрения.

2. Тактика кооперации – такой способ обращения к адресату, с помощью которого говорящий конструирует образ последнего, апеллируя к идеям и ценностям, носителем которых он (по мнению говорящего) является.

3. Тактика размежевания – выявление различий и несходства в позициях и мнениях.

4. Тактика информирования – приведение данных и фактов, не сопровождаемое выражением отношения говорящего.

5. Тактика обещания – добровольное обязательство сделать что-либо.

6. Тактика прогнозирования – предсказание, суждение о дальнейшем течении, развитии чего-либо на основании интерпретации различных имеющихся данных.

7. Тактика предупреждения – предостережение, предвещающее извещение о возможных событиях, действиях, ситуациях и т.п.

8. Тактика иронизирования – осуществление воздействия за счёт контраста между сказанным и подразумеваемым.

9. Тактика провокации – подстрекательство кого-л. к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжёлые для него последствия.

Также считаем необходимым привести некоторые **когнитивно-речевые стратегии**, используемые политическими деятелями предложенные Ван Дейком [1].

1. Обобщение. Ход, используемый для того, чтобы показать, что (негативная) информация, только что приведенная или имеющая быть приведенной, например, в случае из жизни, не просто случайна или исключительна; тем самым подкрепляется возможное общее мнение. Этот ход отмечает переход от модели к схеме.

2. Приведение примера. Конверсный ход, показывающий, что общее мнение не просто «надумано», но основано на конкретных фактах (опыте).

3. Поправка. Это формульная или риторическая стратегия (часто лексическая). Контроль над индивидуальной речью порождает предположение, что некоторая формулировка

ка либо референциально «ложна», либо может привести к нежелательной интерпретации и оценке слушающим глубинных импликаций или ассоциаций.

4. Усиление. Формульная стратегия, нацеленная на лучший или более эффективный контроль над вниманием слушающего («привлечение внимания»), на улучшение структурной организации релевантной информации (например, негативных предикатов) или на подчеркивание субъективной макроинформации.

5. (Очевидные) уступки. Ход, дающий возможность для условного обобщения даже в случае привлечения противоречащих примеров, либо позволяющий продемонстрировать реальную или воображаемую терпимость и сочувствие, то есть составляющие части стратегии положительной самопрезентации.

6. Повтор. Формульный ход, функции которого близки к усилению: привлечение внимания, структурирование информации, подчеркивание субъективных оценок, более значительных тем и т.д.

7. Контраст. Ход, имеющий несколько когнитивных функций. Риторическую: привлечение внимания к участникам отношения контраста (структурирование информации). Семантическую: подчеркивание положительных и отрицательных оценок людей, их действий или свойств - часто путем противопоставления МЫ-группы и ОНИ-группы.

8. Смягчение. Этот ход в общем случае обслуживает стратегию самопрезентации, демонстрируя понимание и терпимость, а также, по-видимому, «аннулирование» оценки или обобщения, которые не могут быть обоснованы. С его помощью предполагается блокировать отрицательные выводы.

9. Сдвиг. Этот ход типичен для положительной самопрезентации.

10. Уклонение. В действительности это набор различных ходов, включенных в более общую стратегию уклонения. С когнитивной точки зрения уклонение от разговора или от темы может означать, что релевантная информация об этнических меньшинствах в модели отсутствует или является неполной, из модели можно извлечь только нерелевантную, не пригодную для передачи информацию и из памяти можно извлечь только нега-

тивный опыт, а, следовательно, и мнения, но они блокируются общим принципом, запрещающим плохо отзываться о других людях или других группах людей.

11. Пресуппозиция, импликация, предположение, косвенный речевой акт. Это семантические и прагматические ходы, позволяющие говорящему избежать формулирования некоторых частных суждений, а именно отрицательных замечаний или оценок, или перевести их в русло более общих, общепризнанных знаний или мнений, за которые говорящий не несет ответственности.

Любое исследование языковой личности в рамках конкретного дискурса сводится по сути дела к тому, чтобы на основе анализа средств выражения перейти к моделированию оптимальной структуры внутреннего «я» индивида, которая задаёт ему определённый язык. Институциональный дискурс, в котором эволюционируют политики, не представляет в этом плане исключения и накладывает ряд ограничений на коммуникативное поведение национальных лидеров. Эти ограничения связаны, прежде всего, с этнокультурными и языковыми традициями, принятыми в конкретном социуме. Как известно, нейтрального вербального поведения нет, тем более поведения лидеров в рамках социальных институтов власти. Как и всякое социальное действие, речь проявляет сложившийся на личностном уровне характер мировосприятия и понимание личностью собственной роли в социуме.

Таким образом, вышеперечисленные аспекты, в частности, характеристика политического деятеля, толерантность и характеристика его коммуникативно-когнитивных стратегий представляют собой реализацию интенции самого говорящего в политическом дискурсе и, в значительной степени, характеризуют его как языковую личность. Институциональный дискурс обладает определённым набором стратегий и тактик воздействия на аудиторию. К ним можно отнести стратегии на повышение, стратегии на понижение, стратегии театральности. Способами реализации вышеуказанных стратегий выступают разнообразные тактические приёмы речевой технологии. Данные явления выступают интегративной частью «языковых игр» институциональной личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дейк Ван Т.А. *Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений*, 1983 г. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk1.htm> (дата обращения: 15.02.2015).
2. Дейк Ван Т.А. *К определению дискурса*, 1998 г. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 10.02.2015).
3. Желтухина М.Р. О содержании дискурса масс-медиа // *Вестник Луганского национального педагогического университета имени Тараса Шевченко: Филологические науки*. Луганск: Изд-во ЛНПУ «Альма-матер», № 11, 2007. С. 27-40.
4. Леонтьев А.Н. *Деятельность. Сознание. Личность*. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
5. Петренко В.Ф. Структура сознания в речевом воздействии // *Оптимизация речевого воздействия*. М.: Наука, 1990. С. 18-31.
6. Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения // *Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации*. М., 1990.
7. Федорова Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // *Вопросы языкознания*. 1991. № 6. С.46-50.
8. Чудинов А.П. *Политическая лингвистика: учеб. пособие*. М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.

REFERENCES:

1. Van Dijk, T.A. *The Expression of Ethnic Situation Models in Prejudiced Stories*, 1983. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk1.htm> (date of access: February 15, 2015).
2. Van Dijk, T.A. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*, 1998. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (date of access: February 10, 2015).
3. Zheltukhina M.R. The Content of the Discourse of the Media. *Bulletin of Lugansk National Pedagogical University named after Taras Shevchenko: Philology*. Lugansk Univ LNPU «Alma Mater», № 11, 2007. Pp. 27-40.
4. Leontiev A.N. *Activities. Consciousness. Personality*. 2nd ed. M.: Politizdat, 1977. 304 p.
5. Petrenko V.F. The Structure of Consciousness in Speech Influence. *Optimization of Speech Influence*. Moscow: Science, 1990, Pp. 18-31.
6. Tarasov E.F. Speech Influence as a Problem of speech Communication. *Speech Influence in the Field of Mass Communication*. Moscow, 1990.
7. Fedorov L.L. Typology of Speech Influence and its Place in the Structure of Communication. *Questions of linguistics*. 1991. № 6. Pp. 46-50.
8. Chudinov A.P. *Political Linguistics: school-book*. Moscow: Nauka, 2006. 256 p.

UDK 81.37

*Shustova S.V.,
Smirnova E.A.,
Osheva E.A.*

**SYSTEMACITY
AND CATEGORISATION
IN FUNCTIONING OF VERBS**

Shustova Svetlana Viktorovna, *Doctor of Philology, Professor*

Department of Advertising, Public Relations and Humanities

Perm Institute of Economics and Finances

Department of Theoretical and Applied Linguistics

Perm State National Research University

Smirnova Elizaveta Alexandrovna, *PhD in Philology, Senior Lecturer*

Department of Foreign Languages

Higher School of Economics at the National Research University, Perm

Osheva Elena Anatolyevna, *PhD in Philology*

Department of the English Language, the Institute of Foreign Languages

The State University of Management, Moscow

ABSTRACT

The article focuses on the issues of systemacity in language, the category of causation, functioning of causatives of the informative-modificative class. In this article, the causation is examined from the perspective of functional approach, suggested by A. Bondarko. A verb of causative semantics is related to a more general class on the basis of its essential properties. In the centre of our attention is a lexical causative of interpersonal semantics which is the core of the functional-semantic field of causation.

Key words: category; causation; cause-and-effect relations; causativity; causative verb; Kactualisation.

*Шустова С.В.,
Смирнова Е.А.,
Ошева Е.А.*

СИСТЕМАТИЧНОСТЬ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ

Шустова Светлана Викторовна, доктор филол. наук, профессор рекламы, связей с общественностью и гуманитарных дисциплин
факультет теоретической и прикладной лингвистики;

Пермский институт экономики и финансов

Пермский край, г. Пермь, ул. Большевистская, 141, 614068, Россия

Смирнова Елизавета Александровна

кандидат филол. наук, старший преподаватель факультета иностранных языков

Национальный исследовательский университет, Высшая школа экономики

Пермь

Ошева Елена Анатольевна

кандидат филол. наук, старший преподаватель кафедры английского языка
института иностранных языков и лингвокоммуникаций в управлении

Государственный университет управления; Москва, Рязанский проспект, 99, 109542, Россия

Аннотация

Статья рассматривает вопросы систематизации в языке, категорию каузации, функционирования каузативных глаголов информативно-определяющего класса. Каузация рассматривается с точки зрения функционального подхода, предложенного А. Бондарко. Глагол каузативной семантики связывается с более общим классом на основе существенных признаков. В центре исследования стоит лексический каузативный глагол межличностной семантики, являющийся ядром функционально-семантического поля каузации.

Ключевые слова: категория; каузация; причинно-следственные связи; каузальность; каузативный глагол; актуализация.

1. Introduction

In contemporary linguistics, language is seen as a system which has a level structure. "Systemacity implies not a simple stratification of levels but their strict hierarchical organization, which is subdominant when performing the whole language system's general function of speech composition [10, p. 5]. D. Nasilov believes that functional grammar emphasizes the differentiation between language as such and mental, extra-language content or language meanings and senses, contents, tasks, aims, i.e. the presence of a dialectical connection between language and thought but not their identity [10, p. 44]. Language, being a sign system, is not directly connected with a communicative situation. Language acts as a tool of thought and speech – as an activity conducted with this tool [2, p. 146]. Within this framework, it is necessary to highlight the fact that interaction of semantics and syntax remains one of the central problems of contemporary linguistics. The emphasis is put on cognitive and semasiological aspects, some basic issues, the correlation between language and speech, a linguistic meaning and an actual sense. Conceptualization of verbalization and understanding processes, according to N. Boldyrev, are connected with a dynamic categorization process: categorization of events (when composing sentences) and categorization of linguistic units (when analysing and understanding them). Categorization in this case means mental relating of an event or, in our situation, a verb of causative semantics, to a more general class based on some particular ideas of its essential properties, of event categories [4, p. 6].

Functional grammar deals with the study of senses, contents, realized in utterances and subsequent analysis of language elements and their properties used for transferring those senses. [15, pp. 13-14]. E. Dal points out that if we imagine language as a multitude of pairs "meaning – form", the best organized language will be the one where each form has only one meaning, and vice versa – the worst-organized language is the one where any form can have any possible meaning... Natural languages are located somewhere in the middle of the spectrum and for their functioning as a means of communication (a system of means) a certain degree of order is necessary. Even if we cannot

set a universal measure of how well or badly organized a language is, it might be useful to consider whether the diachronic processes under examination are increasing the order in that system or decreasing it [7, p. 42]. ... An organized system needs active maintaining, otherwise it will go into destruction, in other words, return to disorder [7, p. 43].

Self-organization of language can occur not in spite of the tendency to disorder but as a result of its increase. A non-equilibrium order can exist only in dissipative systems when there is an inflow of energy. In the context of dissipation, which is traditionally thought as a sign of structure disintegration, its variability, order arises. Referring to language, dissipation means an outflow of obsolete elements and structures which are replaced with an inflow of new ones [2, p. 149].

Ch. Bally noted that languages are constantly changing but they can only function when they are not changing [3, p. 29]. Language as a system of signs exists in time and functions to actualize discourse. Changes which take place in a language should be seen as a realization of the potential behind the system. Language is a system of systems (subsystems). One of such subsystems in the field of functional grammar is the functional-grammatical category of causation. Causation is a specific way of objective reality reflection. The subject matter of causation is not the transfer of knowledge, not affirmation or negation of something but stimulation of an action or a change of the object's state.

The paper is organized as follows. Section 2 explores the lexico-grammatic group of information-modifying verbs. Section 3 outlines the concept of functional potential and presents the main types of information-modifying causatives basing on empirical evidence. Section 4 deals with some functioning peculiarities of information-modifying verbs. In Section 5, we conclude our discussion.

2. Information-modifying verbs as examples of interpersonal causatives

Causation is a fact of interpersonal cooperation and is examined from the perspective of functional approach, suggested by A. Bondarko [see, for example, 6]. The peculiar-

ity of this approach is the use of the principle “from functions to means” as a leading one and “from means to functions” as a supporting one. The research subject of functional grammar is functioning of grammatical units and language means which interact with them in an utterance. What is meant here is a special, in its organization, system which is formed with meanings of grammatical forms, lexis, context, system of regularities and rules of functioning of language means which aim at actualization of an utterance sense.

A grammatical system of a language is not only a systematic-structural entity with signs of a static character, it is also a dynamic entity developing on the basis of functioning of the system elements in a context and communicative situation. According to A. Bondarko, a grammatical structure is characterized by the presence of a centre (where specific attributes, which distinguish grammar from lexis, are concentrated) and periphery (lexico-grammatical classes of different degrees of grammaticalization). Having examined the categoric situation of causation, we have concluded that the core of the functional-semantic field of causation is a lexical causative of interpersonal semantics. The verb choice is not random because the aggregate of its categoric meanings is various; the events, the verb denotes, are heterogeneous.

We focus on information-modifying verbs of the German and English languages combined into a separate subsystem on the basis of their semantic-syntactical properties. The lexico-grammatical group of information-modifying verbs refers to the sphere of interpersonal causatives, a semantic structure of a sentence with such verbs comprises the following components: 1) the causator; 2) the object of causation; 3) the way/means of causation.

A system meaning of a verb has a qualifying, generic meaning, although it is closely connected with the conditions, the verb is functioning in, and can change under the influence of those conditions. A categoric meaning of a verb is a process meaning which is intrinsic to a verb regardless its lexical meaning: actions, states, relations are present in verbs as a process taking place in the course of time. N. Boldyrev stress-

es, that the final version of a categoric meaning, i.e. mental reference of this or that category to an action, property, relation is possible at a functional level [4, p. 9]. That is the essence of the categorization process. A categoric meaning of a verb is not strictly fixed on the system-paradigmatic level, it is notable for its movability, dynamism and not necessarily integrates only something invariable-generic [4, p. 9].

By using the example of functioning of causative verbs of information-modifying class we will demonstrate their peculiarities. The following groups can be distinguished among the verbs of an information-modifying class:

1. causatives of proving: German: *be-gründen, belegen, beurkunden, beweisen, erweisen, nachweisen, überzeugen, argumentieren, ausreden, betuern, bezeugen, hinweisen*; English: *to prove, to argue, to found, to base, to persuade, to admonish, to assure, to convince*. German: *Wir werden ihm die Maske von der Fratze reißen und dem Neurer **beweisen**, wozu das alte Handwerk in der Lage ist* [Süs-kind]; *Wir werden ihm Fehler **nachweisen** und sie ausmerzen und es ihm auf diese Weise unter die Nase reiben: Du bist ein Pfuscher, Pelissier* [Süs-kind]; English: *He **proved** a hugely important thing: what this large group detested was not politics, as it seemed, but the politicians* [Leipzig University Corpus (LUP)]; *Murphy **persuaded** city council to pressure the Newfoundland Liquor Corp. to hold a public meeting over the transfer of a licence for the nearby club space* [LUP]; *He **assured** the governor that the vehicles would be put into judicious use to realize the purpose for which they are meant* [LUP];

2. causatives of displaying: German: *aufweisen, aufzeigen, demonstrieren, hindeuten, informieren, hinweisen, zeigen, erklären, aufklären, kommentieren*; English: *to display, to point out, to indicate, to show, to enlighten, to explain, to inform*. German: *Madame Arnulfi, nachdem sie lange über die schlechten Zeiten und über ihre prekäre wirtschaftliche Lage geschrieben hatte, **erklärte**, dass sie sich zwar eigentlich keinen zweiten Gesellen leisten könne* [Süs-kind]; *Nahmhafte Meeresforscher an Bord **informieren** auf der Fahrt*

zur Tauchstelle über die "Titanic", die Tiefsee und die Tauchtechnik [Zeit]; English: George had **explained** to her that he had always wanted to get married [Corpus of Contemporary American English (COCA)]; Lucia also **informed** us that lactic acid plays a key role in the fermentation of grapes, just as it does in cycling [COCA];

3. causatives of confirming: German: *bekräftigen, bescheinigen, bestärken, bezeugen, erhärten, behaupten, bejahen, bestätigen, billigen, genehmigen*; English: *to confirm, to testify, to give evidence, to acknowledge, to approve, to avow, to claim, to grant*. German: *Sie **bestätigt**, dass nicht in den Ereignissen der Wert erzählischer Werke besteht, sondern in den Gestalten, und in diesem kurzen Roman, ..., kommen viele Getsalten herauf* [Spiegel]; English: *In December, he **confirmed** news reports that he was separating from Susanne Bartsch, the nightclub promoter and his wife of 15 years* [COCA]; *She **gives evidence** here today that the person who committed the murder has said that her son, Jeff, had nothing to do with it, and yet, he may be executed* [COCA]; *Radio rival Edgar Bergen **acknowledged** him as "the greatest living comedian"* [COCA]; *The council **approved** a \$303 million plan to build and improve San Diego libraries over 10 years, including a new main library downtown* [LUC]; *The government, led by Thaksin's allies, consistently **avows** its loyalty to the crown* [LUC]; *However, Jacob **claimed** he had been at the residence looking for a friend on June 30, his lawyer Deon Geldenhuys told the court* [LUC];

4. causatives of disproving: German: *bestreiten, enkräften, einwenden, entgegen, widerlegen, widersprechen, aufbegehren*; English: *to disprove, to dispute, to question, to contradict, to object*. German: *Ich will seine gute Absicht gar nicht **bestreiten**, ...* [Böll]; English: *We **disproved** the Paris Hilton hypothesis* [LUC]; *Romney's supporters strongly **disputed** the notion that Romney's standing here is weak* [COCA]; *Senior council officials **objected** to the deal because the Proton type of vehicle was unknown in Zimbabwe* [LUK].

This class of lexemes represents interpersonal verbs which function as full causatives denoting "canonical" causative relations, i.e. "stimulating a person to act or change state". The class division is based on the characteristics of subject-object relationship and the nature of the subject and object interaction. Generally the meaning of causatives is actualization of transformation of an object's mode of being. Interpersonal verbs are seen in this paper as true causatives and represent a lexico-grammatic class of lexemes because they possess their own lexical meaning, i.e. contain a certain set of integral and differential semantic components and a broad functional potential. The seme of "causation" is seen as a categoric seme.

3. Functional potential of information-modifying verbs

Let us discuss the concept of functional potential of a language unit. A language unit possesses a set of potencies which are realized in its functioning, that is why, according to A. Bondarko, a linguistic unit's function can be studied in two aspects: potential and resultative [6, p. 17]. Functions of linguistic means and their combinations can act, firstly, as existing in a language system potential assignments, purposes; secondly, as processes and results of these potencies realization in speech [6, 13, 14]. Function in a potential aspect is understood as a linguistic unit's ability to fulfill a particular assignment and function correspondingly. A resultative aspect presupposes interaction between this unit and the environment in the process of its functioning, i.e. an assignment which has fulfilled its purpose in speech [6, p. 17].

Thus, following A. Bondarko, we consider functional potential to be a complex of potencies possible for a particular linguistic unit and programming its behavior in speech [5, p. 11]. Functional potential comprises evocative, stylistic, semantic, valency, pragmatic potentials [6, 13, 14]. A. Bondarko points out that a transformation of a potential function into a resultative one is always accompanied by some development [6, p. 18], consequently it is fair to assume that in the process of functioning a linguistic unit can fulfill more assignments than it is anticipated initially. There is an in-

verse relation: when the number of realizations of a linguistic unit increases, the number of its potencies rises as well, i.e. its functional potential grows. The realisation of linguistic units' potencies is influenced but the environment where they function. Environment is seen as a multitude of linguistic elements acting as surroundings towards the initial system and in the interaction of these elements the system fulfills its function [6, p. 9]. To summarise, to define a functional potential of a linguistic unit it is necessary to study it not in isolation but in its functioning environment [15, pp. 5-6].

In their semantic potential information-modifying verbs have the meaning of "acquiring by a receiver some knowledge about the facts which he was unaware of before". These verbs can be seen as mental predicates because almost all speech acts leave some mental trace in a receiver's mind [8, pp. 82-83]. Predicates of mental impact are those which denote speech acts aiming at causation of a steady mental result towards the object of causation. Achieving the causation aim is predominated by the content (or aim) of influencing the object by the causator. According to the nature of the mental result we can differentiate between the following types of impact aims: 1) causing the object to understand; 2) causing the object to know; 3) causing the object to reckon.

The first type is reflected in the functioning of causatives of displaying and proving: "to make something that used to be unclear understandable". The second type is shown by functioning of causatives of proving: "to replace the object's opinion with either awareness or unawareness which is closest to awareness". The third type is actualized by causatives of disproving, proving and confirming: "to replace the object's opinion with another one".

Causation of understanding refers to the cases when we deal with a lack of understanding of any kind: 1) intellectual: English: **Explain** why PV is considered an inexhaustible resource [COCA]; 2) psychological: German: *Ich konnte es ihm nicht **erklären**, und ich habe bis heute keine Erklärung dafür gefunden* [Böll]; English: *Then teachers **explained** how they would respond when students were hav-*

ing a difficult time with self-control, or behaving inappropriately [COCA]. Substitution of "to explain" with "to say" is impossible in the simplest cases: German: *Ich kann mir das Zischen nur so **erklären**, dass das Hauptwerkzeug des Tieres nicht seine Krallen sind, ...* [18]; English: *to **explain** smb.'s viewpoint* [11].

Causation of knowledge refers to the cases when truth in general is focused on as well as truth in a receiver (the focus is on the change of a causation object's mental state): German: *Es gibt Amerika: Bellow **beweist** es auf eine so eindringliche und einmalige Weise, wie Faulkner, Hemingway, Thomas Wolfe und Cummings es **bewiesen** haben* [Böll]; English: *Several of his former ministers including three who are now running against him use the president's own words to try to **prove** that he is older than he says he is* [COCA]; *Wrongful conviction cases are seldom open-and-shut – usually they depend on DNA or other new evidence that undermines the government's case, but does not always **prove** someone is innocent* [COCA].

Causation of reckoning implies influence on the mental state and is focused on a change of the object's opinion to make him eventually change his intentions and perform a necessary action. In this case it is the mental state that is affected, subsequently there is an impact on particular actions. For example, German: *Und so hatten sich beide bei ihrer kurzen Begegnung gegenseitig von ihrer Arglosigkeit **überzeugt**, zu Unrecht und zu Recht ...* [Süskind]. The causative *überzeugen* in the German language means an impact on the object's mental state and does not fix a delivery in terms of performing of an action: *überzeugen: 1 jmd. ~ jmdn. zu einer anderen Ansicht bekehren* [18].

By contrast, the English equivalent of the German verb *überzeugen* is the verb *to convince*, involves the meaning of an action result, i.e. a change of the object's mental state which can be seen in its semantic potential: «1 Cause (someone) to believe firmly in the truth of something; 2 Persuade (someone) to do something» [11], as well as in some examples of its functioning: *We started calling up bands and somehow **convinced** them to come down*

to perform [LUC]; *But the conference presidents **convinced** Tranghese that all 16 squads deserved to converge on the Garden, so next March there will be an extra day* [LUC].

Causative verbs of reckoning comprise "opinion" ("rational evaluation") as one of their attributes and form a special type of a causative situation in which a caused event is a mental act. A rational evaluation may be of three types: 1) alethic (denotes a judgment's degree of correspondence to the facts); 2) deontic (evaluation of an action as appropriate, allowed or prohibited); 3) axiological (characterizes some objects and events as good or bad ones [17, p. 6].

The spread of knowledge and understanding of facts take place for the benefit of the object and the spread of opinions – for the benefit of the causator. Causation of understanding: the object is the speaker's associate (supporter), he wants to understand what the causator is trying to make clear (understandable) for him. The object it trying to replace misunderstanding with understanding. Causation of knowledge: the object appears to be a non-believer and in the causation process the object is an opponent: the person values his opinion and does not want to change it [8].

Causatives of proving and disproving function in the situation of an argument more frequently, for example, German: *"In diesem Fall kann der Botschafter lediglich auf Unterlassung klagen", so der Jurist, "allerdings hat er nur Aussicht auf Erfolg, wenn die Dame die Behauptungen über die privaten Treffen nicht beweisen kann"* [Spiegel]; English: *His wife **convinced** him not to* [LUC].

For causatives of proving, the causatives of the "convince" type in particular, – German: *überzeugen*; English: *to admonish, to convince, to persuade* – the arguments are explanation of a reason. For the causatives of the "prove" type – German: *beweisen*; English: *to prove* – the arguments have a mental character. The causatives of the "convince" type can affect not only the object's mind but also his will and emotions. For example,

1) influence on the object's mind: German: *King ist es in einem Fall bereits gelungen, ein argentinisches Gericht mit biologischem Be-*

*weismaterial zu **überzeugen*** [Kafka]; English: *"But I believe they can be **persuaded** that the mission is actually in Europe's own strategic and humanitarian interest."* [LUC];

2) influence on the object's emotions: German: *Wie setzten sie sich nicht, wie fielen sie nicht hin, sondern sahen einen mit Blicken an, die noch mehr, wenn auch nur aus der Ferne, **überzeugten!*** [18]; English: *But his mother, Nancy Blake, **convinced** him to give it a try* [LUC];

3) influence on the object's will: German: *Bringen Sie mich hinaus, schnell, bringen Sie mich hinaus – sonst **überzeugt** er mich noch* [Zeit]; English: *On Monday, prosecutors charged that Stryker and Chambers **persuaded** another man to lie about who he saw with Goudey around the time she was last seen alive* [LUK].

Influence on the object's will can be accompanied by a reference to a benefit for the object which makes the argument highly-persuasive. "Influence not the mind with arguments, but the will with incentives, then both the opponent and the listeners, provided they have the same interests, will instantly agree with your opinion even if it was borrowed from a lunatic asylum. Indeed, a lot of will mostly weighs more than a centner of speculation and persuasion" [Schopenhauer, cited from 12, p. 114]. When being persuaded, the object is exposed to a comprehensive influence. Causatives of proving and disproving function in the situation, where the characteristic of "veracity" is especially relevant. The group of verbs with the semantics of "to persuade" in the class of causatives of proving displays particular characteristics, however. It is possible to persuade with fallacies.

Causation of knowledge and understanding differs from causation of opinion by the means and manner of presentation. Consistency, logic, persuasiveness, cogency of arguments are especially relevant for causation of knowledge and understanding. For example, German: *Die Konkurrenten BMW und Daimler-Chrysler **beweisen** bereits Sportgeist mit ihrem Engagement in der Formel 1. Der bisherige Hauptsponsor Opel war nach Vereinsangaben vor einigen Wochen, vorzeitig aus dem*

Vertrag ausgestiegen [Spiegel]; English: *We believe, based on the evidence we collected, that we could **prove** his guilt to a jury beyond a reasonable doubt* [LUC]. Meanwhile, such aspects as emotionality, stylistic connotations, intonation patterns and presentation tone play a key role for causation of an opinion: German: *Oh, vital sind wir, wir haben es **bewiesen**, wir ordneten den Dschungel, kauften uns irgendeine Art von Knigge oder ließen uns von denen ...* [Zeit]; English: *He pointed out how he had tried repeatedly to **persuade** Thomas to change his attitude but to no avail, thus separating his good name from his son's bad one* [COCA].

Acting of causatives of proving, which include the group of the German *beweisen* and the English *to prove*, is retrospective; and the group of the German *überzeugen* and the English *to convince*, *to persuade* is prospective. Causatives of proving of the German group *überzeugen* and the English *to convince*, *to persuade* show peculiarities of functioning in comparison to their synonyms: German: *versichern*; English: *to assure*. There are some sense differences among these causatives, i.e. the degree of categoricity actualization. Causatives of the German group *überzeugen* and the English *to convince*, *to persuade* consist of a “stronger”, more categorical opinion in their semantic potential than the German verb *versichern* and the English *to assure*. Epistemic states, expressed by these causatives, can be opposed one against another.

4. Functioning peculiarities of information-modifying verbs

In the case of causatives of proving functioning as predicates: German *versichert*, *überzeugt*; English *convinced*, *persuaded*, *assured* the following peculiarities occur:

1. Combination with a negation.

In the German language there are no cases of *versichert*, *überzeugt* functioning in structures with a negation. In the English language *persuaded*, *assured* do not occur in structures with a negation either. A negation has been detected in the structures with *convinced*: *But he's not **convinced** the state's law is making a difference* [COCA]; *But the detectives*

*are not **convinced** he's the murderer* [COCA].

2. Occurrence of gradation.

In the English language there are some cases when the degree of categoricity is characterised / graded: *Physicians and nutritionists are **increasingly convinced** that the dietary habits adopted by Western society over the past one hundred years make an important etiologic causative contribution to coronary heart diseases angina, hypertension, diabetes, and some types of cancer* [COCA]; *I was **repeatedly assured**, by sophisticates and illiterates alike, that the king was (or used to be) on the CIA payroll, proof more of his fiscal savvy than his political corruption* [COCA]; *If big news breaks after the close of trading, late traders are **virtually assured** of a quick profit or of avoiding a loss* [COCA]; *As they scour the history of Al Qaeda for clues about its future, American officials say they are **increasingly persuaded** that the group gained its new operational abilities and ruthlessness in 1998* [COCA]; *It took them two days, but they **finally persuaded** her to give the World 600 a try* [COCA].

In the German language there are no examples of gradation with *versichert*. By contrast, there are quite a lot such examples with *überzeugt*, for example, *... und Bendrix ... ist **fest überzeugt**, dass sie einen neuen Liebhaber hat ...* [Böll]; *... ich bin übrigens **fest überzeugt**, mein Leben schlecht genutzt zu haben* [Böll]; *Und wenn die Methode auch nicht genügte, Grenouilles Nase **vollkommen zu überzeugen**, ...* [Süskind].

The German *fest*, *vollkommen* and the English *finally* are used to express a high degree of the state of conviction. When *repeatedly* is used an indefinite frequency of an action is actualized which testifies that there is not action limit of the verb *assure* in the English language. The absence of an action limit of this verb is also exposed in functioning of *virtually*. The adverbs *repeatedly*, *virtually*, *instantly* rather actualize an emotional evaluation.

3. Compatibility with a non-propositional object.

In the English language there are no such constructions with *persuaded* however, there are some rather rare examples with *convinced*:

We don't take a case on unless we are **convinced of the person's innocence** [COCA]; However, Daviss isn't **convinced of Rosen's conclusions** [COCA]; assured: For example, investors who earlier settled with Prudential in class actions for a small fraction of their investment are excluded from sharing in a fund of \$371 million set up in October to repay some losses by customers who had been falsely **assured about the safety and returns of the partnerships** [COCA]; If someone is making the same thing over and over, Santiago says you can be **assured of the quality** [COCA]; He said he would send Eddie a text message when they could return, when he was **assured of the project's future** [COCA].

In the German language a non-propositional object and *versichert* are not compatible, but they are compatible with *überzeugt*, for example: *Und so hatten sich beide bei ihrer kurzen Begegnung gegenseitig **von ihrer Arglosigkeit** überzeugt, ...* [Süskind]; *Doch der Detektiv spürt nichts Handgreifliches auf: einige Kirchenbesuche, Zusammenkünfte mit Richard Smith, einem Hydepark –Fanatiker, der durch ein Feuermal im Gesicht entstellt ist, und **von dessen Harmlosigkeit** sich Bendrix selbst überzeugt* [Zeit].

It is no coincidence that there is the prohibition on the use of combinations of non-propositional objects and the English *persuaded* and the German *versichert*. Possible objects of these predicates can be the objects which are enclosed in thought and thought is an entity of a propositional nature.

4. Type of secondary proposition if any.

There are no examples of secondary proposition for the predicates *versichert* (German) and *assured* (English). There are some rare examples with the English *persuaded*: *Kerstin was admitted to hospital in Amstetten, west of Vienna, in an unconscious state after Elisabeth **persuaded** Fritzl that she needed medical attention* [LUC]; *But I believe they can be **persuaded** that the mission is actually in Europe's own strategic and humanitarian interest* [LUC]. The presence of secondary proposition is typical of the German *überzeugt*;

and the English *convinced*: German: *Ich war überzeugt, **dass jede Bewegung und jeder Gedanke gezwungen seien, dass man sich daher vor ihnen hüten solle*** [18]; English: *But Craig said he was **convinced that the federal investment, which the Treasury may be able to recoup, would bring stability to financial markets*** [LUC]; *The professor says he's **convinced that people are taking his theory more seriously*** [LUC]. In such a case we are talking about verifiable propositions, i.e. prototypical situations.

5. Conclusions

To conclude, a word's meaning is linked with its functional categorisation, i.e. lexical and grammatical categorization simultaneously within one utterance. In this case a sentence is taken as an utterance unit as an independent linguistic component of the functional level. According to N. Boldyrev, functional categorization is based on the principles of actualization (realization of a system (inherent) meaning) re-categorisation (re-thinking of the inherent meaning), poly-categorisation (realization of several meanings simultaneously) and also grammatisation (desemantization and decategorisation (neutralisation) of the inherent meaning [4]. Efficiency of these principles depends on the integrative work of functional categorization factors: lexical meaning of a word, meaning of its grammatical form, general structural meaning of the sentence-utterance, the closest linguistic context in the form of all the elements of the sentence-utterance; (unlike the system-paradigmatic meaning these factors act not a predicting opportunities of verb semantics but as real connections in particular types of structures, particular lexical-grammatical composition. As for the cognitive mechanism of functional word categorization, it is realized via conceptual characteristics of a corresponding category, i.e. its prototypical characteristics [16]. Every language subsystem, the category of causation included, is closely connected with language in its broad meaning being its component and when exploring a language area we also perceive language itself.

REFERENCES:

1. Amatov A.M. 2003. *Cause-and-effect Connections on Different Language Levels*. Moscow: Moscow Pedagogical University. 220 p.
2. Amatov A.M. 2010. System Arrangement of a Natural Language: Determinism or Chaos. *Tomsk state pedagogical university bulletin*. No 7(97). Pp. 146-150.
3. Bally Ch. 2001. *General Linguistics and Issues of the French Language*. Moscow: URSS.
4. Boldyrev N.N. 2009. *Functional Categorization of the English Verb*. 2nd edition. Moscow: Librokom. 144 p.
5. Bondarko A.V. 1971. Aspect and Tense of the Russian Verb (meaning and use). Moscow: Prosveschenie. 239 p.
6. Bondarko A.V. 2013. Principles of Functional Grammar and Issues of Aspectology. Moscow: Librokom. 208 p.
7. Dal Oesten. 2004. *The Growth and Maintenance of Linguistic Complexity*. Amsterdam: John Benjamins.
8. Glovinskaya M.Ya. 1993. Russian Speech Acts with the Meaning of Mental Pressure. *Logical analysis of language. Mental actions*. Moscow: Science.
9. *Great English-Russian Dictionary: in 2 volumes*. 1972. Ed. by I.R. Galperin. Moscow.
10. Nasilov D. M. 2001. ["Meaning" and "Function" in A.V. Bondarko's Functional Grammar. *Research in linguistics: collection of works for A.V. Bondarko's 70th jubilee*. St-Petersburg: St. Peterburg University Press. Pp. 44-50.
11. *Oxford Dictionary*. URL: <http://oxforddictionaries.com> (date of access: January 25, 2015).
12. Povarnin S.I. 1990. Dispute: on the Theory and Practice of Dispute. *Issues of philosophy*. No. 3.
13. Shustova S.V. 2011. *Potential of Causative Verbs in the Dynamic-Functional aspect*. Perm: Perm state University. 421 p.
14. Shustova S.V. 2013. On the Issue of Functional Potential of a Linguistic Unit (the case of semantic and syntactic valency). *Historical and social-educational idea*. No. 3. Pp. 161-164.
15. Smirnova E.A. 2014. *Functional Potential of English Verbs with Incorporated Actants*. Perm: Prikamsky Social Institute.
16. Vinogradova S.G. 2002. *Categorial and Subcategorial Meanings of English Existential Verbs in a Poetic Text*. Tambov: Tambov State University.
17. Voronova S.K. 1991. *Semantics and Syntax of Constructions with the Causation of Opinion Verbs in the Contemporary English Language*. St Petersburg.
18. Wahrig G. 2000. *Deutsches Wörterbuch. Bertelsmann Lexicon*. Verlag

DATA SOURCES

1. Böll Heinrich. 1985. *Zur Verteidigung der Waschküchen. Schriften und Reden. 1952-1959*. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch. 335 p.
- Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (date of access: December 25, 2014)
- Die Zeit <http://www.zeit.de/index> (date of access: December 25, 2014)
- Der Spiegel <http://www.spiegel.de/> (date of access: December 25, 2014)
- Leipzig University Corpus. <http://corpora.informatik.uni-leipzig.de/> (date of access: December 25, 2014)
- Süskind Patrik. *Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders*. Zürich: Diogenes Verlag AG Zürich, 1994. 320 p.

РАЗДЕЛ II. ЭТНОЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 811.161.1

Ван Синсинь

КОММУНИКАТИВНО- ПРАГМАТИЧЕСКИЕ КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ ПАРАМЕТРЫ МЕЖДОМЕТИЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ван Синсинь, аспирант

кафедры филологии Белгородского государственного национального
исследовательского университета
ул. Победа, д.85, Белгород, 308015, Россия
E-mail: wangxingxin250024@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена классификации междометий в китайском языке. Автор ставит цель – сопоставить семантику, функции и классификационные характеристики разряда междометий в китайском языке. Также проведены параллели китайских междометий с междометиями русского языка. Проблема междометия как класса слов состоит в том, что данная часть речи является особой группой слов, до сих пор не имеющей определенной классификации, но несущий в высказывании важную семантическую нагрузку. Анализ примеров употребления междометий позволяет взглянуть на рассматриваемый класс слов на практическом уровне.

Ключевые слова: китайский язык; междометия; семантика; лингвистика.

SECTION II. COGNITIVE LINGUISTICS AND PRAGMATICS

Van Sinsin

COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC CLASSIFICATION PARAMETERS OF INTERJECTIONS IN THE CHINESE LANGUAGE

Van Sinsin

Postgraduate Student of Philology

Belgorod State National Research University; 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: wangxingxin250024@yandex.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the classification of interjections in Chinese. The author aims to compare the semantics, functions and characteristics of classification of interjections in Chinese. The author also draws parallels between Chinese interjections and interjections of the Russian language. The problem of interjections as a class of words consists in the fact that this part of speech is a special group of words, which still does not have a particular classification, but has an important semantic meaning in the utterance. The analysis of examples of the use of interjections enables to look at the class of words on a practical level.

Key words: Chinese; interjections; semantics; linguistics.

Введение

Междометия в китайском языке, также как и в русском, являются выразителями определенных чувств и волеизъявлений. Как и модальные слова, междометия неизменяемы и не являются членами предложения, хотя интонационно всегда связаны с предложением, к которому примыкают.

Основная часть

Традиционный подход определяет междометия с точки зрения семантики и синтаксиса. Этому подходу придерживаются китайские лингвисты Ма Цзяньчжун, Ван Ли, Ли Цзинси и др. Ма Цзяньчжун классифицировал междометия согласно их семантике. Ван Ли уделял больше внимания синтаксическим особенностям междометий. Он писал: «Междометие не входит в структуру предложения, но только передает выдох-восклицание, эмоции, такие, как гнев, удивление, грусть и т.д.» [1, с. 294]. Обобщая эти две позиции, Ху Мин-ян определяет китайские междометия как выражения, которые используются в устной речи, всегда независимые и не входящие в структуру предложения [2, с. 16].

Авторы современных китайских грамматик придерживаются другой позиции, дифференцируя междометия, главным образом, по их структурным параметрам. В частности, Ван Зжичан в своей статье «Части речи в основе прототипа системы» междометие описывает как «часть речи, которая не зависит от других, являясь только одним из компонентов этого предложения». Он отмечает, что «междометие не имеет синтаксических отношений с другими словами, зачастую предворяет предложение, иногда вставляется в середину предложения» [3, с. 89].

Например, в предложении 门外传来喂、喂的声音 (*men wai chuan lai wei、wei de shen yin*) – ‘За дверью послышалось: «Эй, эй!»’ китайское междометие *wei* передает информацию о том, что кто-то находится у двери дома и хочет узнать, есть ли кто-то внутри. При этом словосочетание *за дверью послышалось* служит для усиления высказывания, для обрамления основной информации.

В китайском языке междометия наделяются следующими грамматическими свойствами:

– междометия употребляются согласно определенным правилам сочетаемости единиц языка;

– в некоторых предложениях возможно ограничение перемещения междометия;

– у междометий существует собственное лексическое окружение, в возможности которого входит своеобразие грамматической оформленности;

– междометия могут быть употреблены в качестве членов предложения;

– междометия имеют возможность сочетания со словами 的 (*de*) – ‘да’, 起来 (*qi lai*) – ‘понимать’, 着 (*zhuo*) – ‘оформляет сказуемое повелительного предложения, требующего постоянного (неоднократного) действия’, 了 (*le*) – ‘на конце предложения подчеркивает вновь возникшее или выяснившееся состояние (положение), считаться с которым отныне обязательно’;

– междометия способны редуцироваться. Редупликация также является одним из способов образования новых междометий как в русском, так и в китайском языках. Например, в русском языке междометие *ох* обозначает выражение вздоха, стоны (Толковый словарь В. Даля): *Сказал бы: ох! да не велит Бог*. В результате процесса редупликации появляется междометие *ох-ох-ох*, которое несет такое же значение, что и *ох*, но выражает более глубокие чувства: *Ох-ох-ох, кабы денег дал Бог: купил бы село, да и жил бы весело!* Ср.: в китайском языке: 嘻, 不错. (*xi, bu cuo*) – ‘Хи, ничего так’ и 嘻-嘻-嘻, 太好了! (*xi xi xi, tai hao le!*) – ‘Хи-хи-хи, очень хорошо!’

Рассмотрим проблему китайского междометия более детально. В китайском языке междометие является особой частью речи, не имеющей конкретного грамматического и лексического значения, а также не являющейся ни знаменательной частью речи, ни служебной. Между тем практически все китайские междометия несут в себе определенный смысл, поэтому значение междометия, как правило, связано с контекстуальной семантикой предложения:

啊! 这是怎么回事? (*a! Zhe shi zen me hui shi?*) – ‘А! что это такое?’.

В китайском языке, как и в русском, междометия чаще всего занимают позицию на-

чала предложения, а после междометия по правилам китайской пунктуации ставится запятая или какой-либо знак. Кроме того, междометия могут быть расположены как в середине, так и в конце предложения, что дает возможность изменения значения употребляемого междометия, а также употребление одного и того же междометия в различных контекстах, например:

这是谁的东西, 啊? (*zhe shi shei de dong xi, a?*) – ‘Чьи это вещи, а?’ (в этом предложении междометие а употреблено в значении вопроса, в контексте вопросительного предложения);

啊! 我想起来了! (*a! Wo xiang qi lai le!*) – ‘А! я вспомнил!’ (в этом предложении междометие а выражает восклицание);

这些小猫儿, 哎呀! 真有个意思. (*zhe xie xiao mao er, ai ya! Zhen you ge yi si*) – ‘Эти котятка, эй-я! очень прелестные’ (в этом предложении междометие эй-я находится в середине и выражает чувство умиления);

哎呀! 你又把你的手机弄坏了! (*ai ya! Ni you ba ni de shou ji nong huai le!*) – ‘Эй-я! Ты снова сломал свой телефон!’ (в этом случае междометие эй-я расположено в начале предложения и выражает сожаление о разбитом телефоне).

К характеристикам китайских междометий можно добавить и передачу чувственной сложности. В китайском языке существует огромное количество междометий, однако одинаковые междометия в различных речевых ситуациях могут выражать различные эмоции. Это имеет прямую зависимость от той интонации, с которой произносится междометие. Например, междометия 啊 (а) – ‘а’, 哎呀 (ай-я) – ‘эй-я’, 哦 (о) – ‘о’ могут использоваться в китайском языке как для выражения вопроса, так и для выражения удивления, недоумения:

啊, 你说什么? (*a, ni shuo shen me?*) – ‘А? Ты о чем?’ (выражение удивления);

啊, 原来是这样! (*a, yuan lai shi zhe yang!*) – ‘А, вот оно что!’ (выражение понимания);

啊, 就这么办呢! (*a, jiu zhe me ban ne!*) – ‘А, так и будет’ (выражение согласия).

В составе предложения китайские междометия выполняют разнообразные грамматические функции:

1. Иллокутивную функцию. Междометие имеет при выполнении данной функции силу

самостоятельного высказывания и авономный интонационный рисунок. Данная функция свойственна подавляющему большинству китайских междометий:

喂, 你可别忘了! (*wei, ni ke bie wang le!*) – ‘Послушай-ка, только ты не забудь’;

他说: “你看, 尽管这样! 你难道认识他?” (*ta shuo: ni kan, jin ran zhe yang! Ni nan dao ren shi ta?*) – ‘Вот тебе на! – сказал он. – А ты разве знаешь его?’;

呕! 我明白了, 明白了! (*o! Wo ming bai le, ming bai le!*) – ‘О, я понял, понял!’.

2. Экспрессивную функцию. Данная функция придает китайскому предложению с междометием определенную экспрессивную или эмоциональную окраску:

啊, 多么宏伟雄壮的南京长江大桥呀! (*a, duo me hong wei xiong zhuang de nan jin chang jiang da qiao ya!*) – ‘Ох, как величествен и могуч Большой Нанкинский мост через Янцзы!’;

唉, 你没跟我们一块儿去, 太可惜了! (*ai, ni mei gen wo men yi kuai er qu, tai ke xi le!*) – ‘Ах, как жаль, что тебя не было с нами!’;

我们队赢了! 乌拉! (*wo men dui ying le! Wu la!*) – ‘Наша команда взяла верх! Ура!’.

3. Функцию акцентирования. Данная функция междометия направлена на усиление значения, выраженного знаменательной частью речи:

嗨, 你真行! (*he, ni zhen xing!*) – ‘Ого, какой ты молодец!’;

– 哦! – 他轻声喊道打了个寒噤 – 请原谅我, 明亮的玛戈皇后! 我弄错了. (*o! Ta qing sheng han dao da le ge han chan, qing yuan liang wo, ming liang de ma ge huang hou!*) – ‘Ой! – тихо воскликнул он и вздрогнул, – простите великодушно, светлая королева Марго! Я обознался’;

– 回声! – 他说 – 再次, 你在我们的地区! 从哪里来神带来了什么? (*hui sheng! Ta shuo zai ci, ni zai wo men de di qu! Cong na li lai shen dai lai le shen me?*) – ‘Эхе! – сказал он, – опять ты в нашем краю! Отколе бог принес?’.

4. Грамматическую функцию члена предложения. Данная функция присуща лишь небольшому количеству китайских междометий и обычно появляется на основании замещения междометным словом словоформы:

宝玉听了“出嫁”二字, 不禁又害了两声. (*bao yu ting le «chu jia» er zi, bu jin you hai le liang*

sheng) – ‘Бао-юй, услышав слова «выходит замуж», невольно ахнул несколько раз’;

哎呀，但光是“哎呀”还不够。(ai ya, dan guang shi ai ya hai bu gou) – ‘Ах, но одного аха не достаточно’;

我讨厌这些啊呀和哎呀。(wo tao yan zhe xie a ya he ai ya) – ‘Мне надоели эти охи да ахи’.

Таким образом, исследование междометий современного китайского языка, а также их семантических свойств и разнообразных текстовых и речевых функций помогает проследить становление класса междометий среди других частей речи в китайском языке. Междометия отличаются от других языковых единиц своими грамматическими, а также морфологическими особенностями. Кроме того, междометия в китайском языке имеют особенности в фонетическом оформлении и реализации специфической речевой функции.

В аспекте словообразовательной структуры китайские междометия делятся на:

1. Междометия односложной структуры: 啊 (a) – ‘а’, 咦 (yi) – ‘и’, 嘿 (hei) – ‘хэй’, 嗨 (hai) – ‘хай’ и т.п.:

啊，你说什么？(a, ni shuo shen me?) – ‘А, что ты сказал?’;

嘿，终于让我们找到了！(hei, zhong yu rang wo men zhao dao le!) – ‘Хэй, наконец мы нашли!’;

嗨，真不走运！(hai, zhen bu zou yun!) – ‘Хай, вообще не повезло!’

2. Междометия двусложной структуры: 嘻嘻 (xi xi) – ‘хихи’, 哈哈 (ha ha) – ‘хаха’, 哎呦 (ai you) – ‘эй-ю’ и т.д.:

大家都在认真工作，而她却嘻嘻哈哈。(da jia dou zai ren zhen gong zuo, er ta que xi xi ha ha) – ‘Все серьезно работают, а она – хи-хи-хи да ха-ха-ха’;

– 哎呦，不，不！任何人任何时候都不要用力抓我。(ai you, bu, bu! Ren he ren ren he shi hou dou bu yao yong li zhua wo) – ‘Эй-ю, нет, нет! Никто и никогда не мог удержать меня насильно’.

3. Междометия многосложной структуры: 哎呀呀 (ai ya ya) – ‘эй-я-я’, 偶吼吼 (ou hou hou) – ‘о-хо-хо’ и т.п.: 哎呀呀，– 警务人员说：这似乎是坏人干的！(ai ya ya, – jing wu ren yuan shuo: zhe si hu shi huai ren gan de!) – ‘Эй-я-я, – сказал полицейский, – дело, кажется, скверное!’

В семантическом аспекте китайские междометия разделяются на два главных семантических разряда:

1. Междометия, служащие для выражения эмоции:

哈哈，真好笑！(ha ha, zhen hao xiao!) – ‘Ха-ха, очень смешно!’;

哎呦，你来啦！(ai you, ni lai la!) – ‘Эй-ю, ты пришла!’.

2. Междометия, передающие разного рода обращения к лицу (субъекту):

喂，行。就照你说的办吧。(ai, xing. Jiu zhao ni shuo de ban ba) – ‘Ай, ладно. Делай, как ты сказала’;

停，我说了！(ting, wo shuo le!) – ‘Ша, я сказал!’.

В рамках указанных разрядов междометия в китайском языке с функционально-семантической точки зрения можно разделить на следующие группы:

1. Междометия, выражающие удивление, изумление, восхищение: 啊 (ai) – ‘а’, 咦 (yi) – ‘ий’, 嘿 (hei) – ‘хэй’, 嗨 (hai) – ‘хай’, 嚯 (huo) – ‘хуо’, 吓 (he) – ‘хе’, 呕 (ou) – ‘оу’, 哟 (you) – ‘йю’.

Например:

咦？还要我来教你？(yi? Hai yao wo lai jiao ni?) – ‘Ий! Неужели я должна тебя учить?’;

嘿！怕什么？他见的世面多了！(hei! Pa shen me? Ta jian de shi mian duo le!) – ‘Хэй! Да ладно, чего ты боишься? Он всё знает!’;

哟，还挺厉害啊！(you, hai ting li hai a!) – ‘Йю, ты такая молодец!’;

嚯，你小子还真行啊！(huo, ni xiao zi hai zhen xing a!) – ‘Ух, ты крутой!’;

呕，原来是你呀。对不起，让你久等了。(o, yuan lai shi ni ya. dui bu qi, rang ni jiu deng le) – ‘Оу, это ты! Извини, ты меня долго ждала?’.

2. Междометия, выражающие в одних случаях радость, а в других – иронию и сарказм: 哈哈 (ha ha) – ‘ха-ха’, 嘻嘻 (xi xi) – ‘хи-хи’, 呵呵 (he he) – ‘хе-хе’.

Например:

哈哈，我终于学会开车啦！(ha ha, wo zhong yu xue hui kai che la!) – ‘Ха-ха, я научилась водить машину!’;

呵呵，他也能考上大学？(he he, ta ye neng kao shang da xue?) – ‘Хе-хе, это он-то поступил в университет?’.

3. Междометия, выражающие сожаление: 唉(ai) – ‘эх’, 哎呀(aiya) – ‘эй-я’, 嗨(hai) – ‘хэй’.

Например:

唉，要是当时听你的话该多好哇！(ai, yao shi dang shi ting ni de hua gai duo hao wa!) – ‘Эх, если бы тогда я тебя послушала!’;

唉，病了两个月，把工作都耽误了。(ai, bing le liang ge yue, ba gong zuo dou dan wu le) – ‘Эх, два месяца проболел, запустил дела на работе!’;

哎呀！我可真不知道他是为了这事儿呀！

(ai ya, wo ke zhen bu zhi dao ta shi wei zhe shi ya!) – ‘Эй-я, я совсем не знала что обитала его!’;

嗨，你可好糊涂哇！(hai, ni ke hao hu tu wa!) – ‘Хэй, какой же ты дурачок!’.

4. Междометия, выражающие возмущение субъекта относительно чего-либо или презрение к чему(кому)-либо: 呸 (pei) – ‘тьфу’, 啐 (cui) – ‘ну’, 哼 (heng) – ‘хм’, 吓 (he) – ‘ах’.

Например:

呸！你胡说八道！(pei, ni hu shuo bai dao!) – ‘Тьфу, что за чушь ты несёшь!’;

哼，你竟然相信他的话？(heng, ni jing ran xiang xin ta de hua?) – ‘Хм, и ты веришь тому, что он сказал?’;

啐，他走到今天这地步完全是咎由自取！(cui, ta zou dao jin tian zhe di bu wan quan shi jiu you zi qu!) – ‘Ну, это он сам виноват!’.

5. Междометия, выражающие недовольство, несогласие: 唉 (ai) – ‘эй’, 嗨 (hai) – ‘хэй’, 嚯 (huo) – ‘хуо’, 吓 (he) – ‘ах’.

Например:

唉，他的意见我还就是不同意！(ai, ta de yi jian wo hai jiu shi bu tong yi!) – ‘Эй, всё равно я не могла согласиться с ним!’;

吓，你怎么能这样说话呢？(xia, ni zen me neng zhe yang shuo hua ne?) – ‘Ах, как ты можешь так говорить!’.

6. Междометия, выражающие понимание говорящим ситуации: 呕 (ou) – ‘о’.

Например:

呕，我知道了。(ou, wo zhi dao le) – ‘О, я знаю’;

呕，原来你也是山东人。(ou, yuan lai ni ye shi shan dong ren) – ‘О, так вы тоже из провинции Шаньдун!’.

7. Междометия-обращения: 喂 (wei) – ‘вэй’, 唉 (ai) – ‘эй’, 啊 (a) – ‘а’.

Например:

喂，你是哪位？(wei, ni shi na wei?) – ‘Вэй, кто это?’;

唉，透露透露，最近有什么内部消息？(ai,

tou lu tou lu, zui jin you shen me nei bu xiao xi?) – ‘Эй, ты поделишься своей информацией?’.

8. Междометия-ответы: 唔 (wu) – ‘ух’, 唉 (ai) – ‘эй’, 哎 (ai) – ‘эй’, 啊 (a) – ‘а’, 呕 (ou) – ‘о’, 哦 (o) – ‘о’.

Например:

唔，要找到你可真不容易。(wu, yao zhao dao ni ke zhen bu rong yi) – ‘Ух, нелегко тебя найти!’;

啊，啊，好吧。(a, a, hao ba) – ‘А, а, хорошо’;

哦，我想起来了，就是他。(o, wo xiang qi lai le, jiu shi ta) – ‘О, я запомнила, это точно он’.

Цель работы

Сопоставить семантику, функции и классификационные характеристики междометий различных разрядов в китайском языке.

Материалы и методы исследования

Типологизация китайских междометий позволяет установить, что данные языковые элементы способны выразить не только весь спектр эмоционально-экспрессивных человеческих чувств, но и выразить логические операции согласия или не согласия, репрезентировать различные аспекты понимания субъектом речевой ситуации (сомнение, колебание, размышление и т.п.), либо могут быть микроответами на предыдущее высказывание. Кроме того, некоторые междометия могут выражать различные чувства в зависимости от ситуации их применения.

Результаты исследования и их обсуждение

Исследования, посвящённые междометиям в китайском языке, основываются на двух основных подходах.

Заключение

Подведем некоторые итоги. В китайском языке междометные слова играют особую семантическую и общественно-культурную роль, несут важную функционально-смысловую нагрузку в языке и речи. Китайские междометия служат для выражения эмоций, ощущений, экспрессивных реакций субъекта на что-либо, употребляются в разнообразных речевых ситуациях, выполняя целый комплекс коммуникативно-прагматических функций. Последние могут служить в перспективе основой для прагмалингвистической типологизации междометий в китайском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Ли 王力 中国语法理论上册/台北蓝灯出版社, 1987. 374 с.
2. Ху Минян 胡明阳 俄汉语感叹词对比 / 中国俄语教学季刊, 1996年第1期: 27 с.
3. Ван Зжичан 王自强 现代汉语虚词词典 / 上海辞书出版社, 1998. 324 с.
4. Ван Чаочен 王超辰 主编高级汉语 / 天津人民出版社: 1990. 132 с.
5. Гао Ианмэй 高彦梅 汉英感叹词对比研究 / 山东外语教学: 2000年第4期 (总第81期).
6. Ли Дедин 李德津 外国人实用汉语语法/京, 2008. 399 с.
7. Зжао Юанжен 赵元任 中国话的文法/台北, 1971. 330 с.
8. Ду Даолю 安徽大学出版社/安徽, 1970. 227 с.
9. Ли Динси 黎锦熙 新著国语文法/北京, 1992. 443 с.
10. Ши Цзин 诗经/北京, 2008, 363 с.

REFERENCES

1. Wang Li. *The Theory of Chinese Grammar*. Taipei, 1987. 374 p.
2. Huminyang. *The Comparative Analysis of Interjections in Chinese and Russian*. Teaching Russian in China, 1996. 27 p.
3. Wang Ziqiang. *Function Words in Modern Chinese Dictionary*. Shanghai, 1998. 324 p.
4. Wang Chaochen. *Senior Chinese*. Tianjin, 1990. 132 p.
5. Gao Yanmei. *A Comparative Study of English Interjections*. Shandong, 2000.
6. Li Dejin. *A Practical Chinese Grammar for Foreigners*. Beijing, 2008. 399 p.
7. Zhao Yuanren. *Chinese Grammar*. Taipei, 1971. 330 p.
8. Du Daoliu. *Modern Chinese Exclamatory Research*. Anhui, 1970. 227 p.
9. Li Jinxi. *New Chinese Grammar*. Beijing, 1992. 443 p.
10. *Classics of Poetry*. Beijing, 2008, 363p.

УДК 81'42:27-247.4

*Полетаева Т.А.***ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА
KING JAMES BIBLE
(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА
ТЕКСТА ЕВАНГЕЛИЯ
ОТ МАТФЕЯ)**

Полетаева Татьяна Александровна,
кандидат философских наук, доцент
Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет
ул.Новокузнецкая, дом 23б, Москва, 115184 Россия
E-mail: polet_ta@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В контексте лингвокультурного анализа возникновения феномена Библии короля Иакова, оказавшей значительное влияние на становление языковой картины мира английского народа, формулируется задача выявления лексических, грамматических, орфографических, синтаксических и стилистических особенностей английского языка данного перевода Библии. Путем анализа английского текста Евангелия от Матфея на обширном эмпирическом материале иллюстрируются указанные особенности (использование архаизмов, инверсия, особое построение отрицательных и вопросительных предложений, усиленная пунктуация и др.). В отдельных случаях применяется сопоставление фрагментов текста с теми же фрагментами в греческом и Синодальном русском переводах, раскрывается их богословский подтекст. Утверждается духовная близость английского текста Библии короля Иакова и русского текста синодальной Библии, позволяющая использовать Библию короля Иакова в православном богослужении на английском языке за рубежом. Делается вывод о гармоничном синтезе научного и богословского подходов в переводе Библии короля Иакова.

Ключевые слова: Библия короля Иакова; лексические, грамматические, орфографические, синтаксические, стилистические особенности; усиленная пунктуация, научный подход; богослужебный характер.

УДК 81'42:27-247.4

Poletaeva T.A.

**LANGUAGE PECULIARITIES
OF KING JAMES BIBLE
(ON THE ANALYSIS OF THE TEXT
OF THE GOSPEL ACCORDING
TO ST. MATTHEW)**

Poletaeva Tatiana Alexandrovna*PhD in Philology, Associate Professor*

Orthodox Saint Tikhon's Humanities University
23b Novokuznetskaya St., Moscow, 115184, Russia

*E-mail: polet_ta@mail.ru***ABSTRACT**

In the context of linguistic and cultural analysis of the background of the King James Bible phenomenon which had a significant influence on the formation of the linguistic worldview of the English people, the author raises the problem of identifying some lexical, grammatical, spelling, syntax, and stylistic peculiarities of the English language used in translation of the King James Version. Analyzing the English text of the Gospel according to St. Matthew and using a wealth of material, the author demonstrates the above-mentioned peculiarities (the use of archaisms, inversion, special construction of negative and interrogative sentences, 'over-stopped' punctuation and others). In some cases the author compares certain parts of the text with the same parts in the Greek and Russian Synodal translations and reveals their theological implication. The study confirms the spiritual closeness of the English text of the King James Version and the Russian Synodal Bible text, which allows using the King James Version in Orthodox Liturgical services in English abroad. The author draws a conclusion about the harmonious synthesis of scientific and theological approaches in the translation of the King James Bible.

Key words: King James Bible; vocabulary, grammatical, spelling, syntax, stylistic peculiarities; over-stopped punctuation; scientific approach; liturgical character.

Библия короля Иакова оказывала колоссальное влияние на устные и письменные формы английского языка на протяжении 300 лет, следовательно, ее роль в формировании языковой картины мира английского народа, его христианского образа мышления, а значит, и образа жизни была ключевой. Действительно, по словам Крэга Томпсона, посвятившего свою деятельность изучению истории Библии короля Иакова, именно благодаря этому переводу Библии «английский народ стал народом Книги» [8, с.8]. Даже Сомерсет Моэм, не считавший себя христианином, писал, что «Библия короля Иакова... надолго стала ежедневным, а нередко и единственным чтением англичан. Ее ритм, мощь ее словаря, ее высокопарность вошли в кров и плоть нации» [9, с.36].

Библия короля Иакова, подготовленная под покровительством короля Иакова 1, была издана 5 мая 1611 г. В коллективном 7-летнем труде переводчиков, работавших по ее созданию, был обобщен и творчески переработан опыт всех изданий Библии на английском языке, возникших в эпоху реформации. Как свидетельствует предисловие к Библии короля Иакова, целью этого перевода было не сделать новый перевод, а «сделать лучший, или из многих хороших сделать один принципиально хороший перевод» ('to make a good one better, or out of many good ones one principle good one'). [3, с.XVI] По словам Гумовской Г.Н., переводчики стремились следовать благородному, а не популярному стилю, и часто обращались к более старым формам языка, стараясь избегать использования современных им эквивалентов. [6, с.212]

Переводы, которые легли в основание King James Bible, были сделаны в XVI в. Это, прежде всего, труд, принадлежащий протестанту Уильяму Тиндейлу (1490-1536), переведшему Библию с греческого, но достаточно вольно, за что его современник католик Томас Мор обвинял в большом количестве неточностей. Ученик Тиндейла Майлс Ковердейл сделал перевод, который отличался большей певучестью и поэтичностью, будучи выполнен на основе латинского текста и лютеровского перевода на немецкий язык. Была версия и другого ученика Тиндейла – Джона Роджерса, который работал под псевдонимом Тома-

са Мэтью и соединил в своем переводе переведенный Тиндейлом текст по Новому Завету и Пятикнижию с собственными переводами, а также с частями из Библии Майлса Ковердейла. Еще один перевод был осуществлен вторично Ковердейлом, который, будучи назначен редактором перевода самим архиепископом Кентерберийским, переработал Библию Томаса Мэтью, результатом чего стала «Большая Библия» для богослужебного употребления, объявленная официальным изданием и изданная семь раз с 1539 по 1541 г. Она оправдывала свое название буквально, т.е. была действительно гигантского формата и приковывалась специальной цепью к церковным кафедрам. [8, с.4]

Все упомянутые переводчики Библии на английский язык за исключением Майлса Ковердейла претерпели смерть от католиков. Сбежавшие в Женеву английские протестанты, в числе которых был и Майлс Ковердейл, при поддержке Жана Кальвина и Джона Нокса издали на основании Большой Библии в 1560 г. перевод, который получил название Женевской Библии. Нововведением Женевской Библии стала нумерация стихов и исправление неточностей в тексте. Более 100 лет Женевская Библия использовалась англоговорящим христианским народом, выдержав с 1560 по 1644 год 144 переиздания, хотя в официальной англиканской Церкви к ней было враждебное отношение со стороны иерархов, которые совершили свой коллективный труд по переводу, завершившийся изданием в 1568 г. так называемой Епископской Библии – в ней за основу была взята Большая Библия с поправками в тех частях, в которых тексты расходились с древнееврейским и греческим подлинниками. Епископская Библия оставалась официальной Библией в Англии вплоть до появления King James Bible, однако в народе она популярностью не пользовалась. Как пишет Т.А.Прохорова, несмотря на то, что из-за казусного перевода стиха 3: 7 из Книги Бытия: «и сшили смоковые листья, и сделали себе штаны» Женевская Библия получила в народе название «Библии штанов», именно Женевская Библия стала основным источником для создания Библии короля Иакова. [8, с.3-5]

Библия короля Иакова была создана согласно строгому научному подходу и, по мне-

нию многих лингвистов, является подлинным литературным шедевром, превосходящим предыдущие переводы Священного Писания по стилю, отличаясь от них, по словам Т.А.Прохоровой, лексическим богатством и гибким, зрелым синтаксисом. В переводе King James Bible 1611 г., по ее мнению, соединились две традиции: английская проза периода ее расцвета и традиция тиндейловского библейского перевода. [Там же]

М.Э. Конурбаев отмечает единство стиля текста King James Bible, которое было достигнуто «специально установленной методикой работы над переводом». [7] В самом деле, над Библией короля Иакова трудились шесть групп переводчиков - всего 52 человека: богословы и филологи, при этом по 2 человека из каждой группы - всего 12 человек входили в комитет окончательной проверки. [8, с.3-5] Во время работы группы один человек зачитывал, другие следили за ним по тексту на том языке, которым владели профессионально – использовался текст Нового Завета в греческом Textus Receptus, Ветхого Завета – в масоретском варианте, в виде справочной применялась литература на «халдейском, еврейском, сирийском, греческом или латинском, а также испанском, французском, итальянском или голландском». [8, с.6] При обнаружении неточности заметивший объявлял об этом, делались правки по Женевской Библии, для сравнения привлекалась Библия в версиях Тиндейла и Ковердейла, а также Реймско-Доуэйская (католическая Библия, переведенная с латинской Вульгаты). Важный вклад в единство стиля был внесен на последней стадии перевода трудом именно 12 человек – т.е. комитета окончательной проверки.

Так была создана King James Bible, которая, как пишет Т.А.Прохорова, стала великим компромиссом, «достигнутым при благоприятных обстоятельствах добросовестными учеными мужами» [8, с.6].

В нашем отечестве Библия короля Иакова, как свидетельствуют исследователи, не изучалась практически ни на одном филологическом факультете, ни на одной кафедре английского языка.[7] Но в последние 15 лет в российской лингвистике появился ряд работ, показывающих интерес к изучению феномена King James Bible. Среди современных

отечественных исследователей King James Bible можно назвать, например, Алексева М.Е., Нагорную А.В., Яковенко Е.Б., Снигирева Р.Л., Конурбаева М.Э., Липгарт А.А., В.Н.Ерохина, Л.В. Егорову, Ф.Кассюто, В.Я.Порхомовского, Верещагина Е.М., Гумовскую Г.Н. и др. Среди современных зарубежных исследователей King James Bible - Д. Нортон, В. Уэстбрук, Дж. Берджесс.

В английской филологии, согласно М.Э. Конурбаеву, сложилась традиция проводить филологический анализ King James Bible в трех направлениях. Первое направление - это анализ лексики и стилистики текста и изучение специфики и особенностей функционирования стилистических категорий в тексте King James Bible. Второе направление включает объединение литературного и теологического аспектов изучения текста King James Bible. Третье направление – это «анализ источников современной литературоведческой традиции в библеистике», структуры Библии, техники повествования и поэтических форм, т.е. в целом подробный литературно-художественный анализ текста. Однако до сих пор, замечает М.Э. Конурбаев, не сложилось полного понимания специфики King James Bible, ее стилистического и звукового построения [7].

В нашей статье мы проанализируем некоторые лексические, грамматические, орфографические, синтаксические и стилистические особенности языка Библии короля Иакова на примере Евангелия от Матфея, обращаясь в определенные моменты к пояснению соответствующих отрывков как в синодальном русском переводе, так и в Септуагинте.

Одна из самых легко определяемых лексико-грамматических особенностей языка King James Bible – это местоимение ты (thou) вместе с его формами thee, thy, thyself, которые встречаются, как известно, в классических литературных произведениях, например, у У.Шекспира, а также у авторов, живших ранее его. С местоимением thou связаны глагольные архаичные формы, которые благодаря Библии короля Иакова стали атрибутами литературного высокого стиля в английском языке:

It is profitable for thee that one of thy members should perish and not that thy whole body should be cast into hell. (Mt. 4: 30)

Множественным числом местоимения thou является местоимение Ye, обозначающее Вы, использование которого можно продемонстрировать в следующих примерах Евангелия от Матфея:

And when ye have found him, bring me word again (Mt.2:8). Blessed are ye, when men shall revile you...(Mt.4:11). When ye pray, use not vain repetitions. (Mt. 6:7)

К лексико-грамматическим особенностям King James Bible относится целый ряд глагольных форм. Прежде всего, это архаичная форма глагола to be 2 лица единственного числа - art – в настоящем, wast – в прошлом:

Our Father which art in heaven... (Mt.6:9). Art thou the King of Jews?.. (Mt.27:11). ...Thou also wast with Jesus of Galilee. (Mt.26:69).

Глагол to be в придаточном предложении для выражения условия (conditional sentence) в настоящем времени стоит в неопределенной форме (как известно, в современном английском в таких случаях используется форма Present Simple Tense):

... If thou be the Son of God, command that these stones be made bread... (Mt.4: 3).

Глаголы 2 лица единственного числа имеют окончание -est, которое используется как для настоящего, так и для прошедшего времени: Thou goest – Thou wentest; Thou hast – Thou haddest. Для примера приведем следующие отрывки:

...thou hast hid these things from the wise and prudent, and hast revealed them unto babes. (Mt.11: 25). But when thou doest alms... (Mt.6:3); But thou, when thou fastest... (Mt.6:17); ...thou canst make me clean (Mt.8:2)

Для глаголов 3 лица единственного числа характерно окончание –e(th): he goeth, he hath, he doth:

Again, the devil taketh him up into an exceeding high mountain and sheweth him all the kingdoms of the world. (Mt.4:8) For every one that asketh receiveth; and he that seeketh findeth...(Mt.7:8)

Для указания будущности используется shall для he, she, it, для 1 лица - will, для 2 лица единственного числа - wilt

He shall give his angels charge concerning thee...(Mt.4:6). Ask, and it shall be given you; seek, and ye shall find.(Mt.6:26). All things will I give thee, if thou wilt fall down (Mt.4:9).

Для повелительного наклонения применяется форма shalt вместе с личным местоимением 2 лица единственного числа thou:

Thou shalt call his name Jesus... (Mt.1:21). ... Thou shalt not tempt the Lord thy God. (Mt.4:7).

К лексическо-орфографическим особенностям, имеющим богословский подтекст, можно отнести использование сочетания Holy Ghost для наименования Святого Духа – Третьего Лица Св.Троицы (noun of the third person in the Trinity – согласно Большому Англо-Русскому словарю [2]):

Joseph, thou son of David, fear not to take unto thee Mary, thy wife: for that which is conceived in her is of the Holy Ghost... (Mt.1:20). Go ye therefore and teach all nations, baptizing them in the name of the Father, and of the Son, and of the Holy Ghost. (Mt.28:19)

В то же время слово Spirit, начинающееся с заглавной буквы, используется также, когда речь идет о Сыне, Отце и Духе без уточняющего прилагательного holy:

Then was Jesus led up of the Spirit into the wilderness...(Mt.4:1) For it is not ye that speak, but the Spirit of your Father which speaketh in you. (Mt.10:20)... and he saw the Spirit of God descending like a dove, and lighting upon him (Mt.3:16)

То же слово spirit, но начинающееся с прописной буквы, применяется в случаях, когда речь идет о духе как составляющей части человеческой природы, а также при описании падших ангелов:

Watch and pray, that ye enter not into temptation: the spirit indeed is willing, but the flesh is weak. (Mt.26:41) When the unclean spirit is gone out of a man, he walketh through dry places, seeking rest, and findeth none. (Mt.12:43)

Эта же тенденция прослеживается в русском синодальном переводе: имени Holy Ghost соответствует в русской Библии Святой Дух, слову Spirit - слово Дух применительно к Сыну, Отцу и Духу, и слову spirit - слово дух применительно к человеческой природе и к ангельской падшей природе. Примечательно, что в греческом источнике нет различия по заглавным буквам: мы видим для Святого Духа обозначение πνεύματος ἁγίου в вышеприведенном стихе (Mt.4:1), а в других указанных стихах (Mt.4:1, 26:41, 12:43) – это

πνεύματος. Как можно увидеть, в Библии короля Иакова (как и в синодальном русском переводе Библии) переводчики проявили особую богословскую чуткость, орфографически показывая разные уровни духовной природы, причем в Библии короля Иакова, помимо этого, использовано для именованя Третьего Лица Святой Троицы особое словосочетание.

К разряду лексических особенностей Библии короля Иакова относится наличие в ней архаизмов – устаревших, поэтических и книжных слов, благодаря которым текст приобретает возвышенный стиль.

Одним из приемов возвышенного стиля является частое использование behold и lo. Behold – это устаревший глагол «созерцать», в тексте Библии короля Иакова он преимущественно используется в форме 2 лица единственного числа, в действительном залоге, повелительном наклонении и соответствует в русском синодальном переводе Библии междометиям «вот», «се»:

...behold, an angel of the Lord appeareth... (Mt.2:13) - ... се, Ангел Господень является...

Behold, I send you forth as sheep in the midst of wolves... (Mt.10:16)- Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков...

Междометие lo (которое в современном Большом англо-русском словаре отсутствует) используется для того, чтобы подчеркнуть чувство потрясения от чуда, при этом в русском синодальном переводе этому междометию соответствует междометие «се»:

And Jesus, when he was baptized went up straightway out of the water: and, lo, the heavens were opened unto him (Mt.3:16) And lo a voice from heaven, saying, This is my beloved Son, in whom I am well pleased (Mt.3:17)

В греческом переводе словам *behold, lo* соответствует ἰδου - глагол 2 лица единственного числа в форме 2 аориста в действительном залоге, повелительном наклонении, использующийся в приведенном контексте как указательная частица и предполагающий варианты перевода: *посмотри, смотри, вот, се.*

Примером книжных слов, архаизмов и поэтических слов являются, в частности, слова *begat* (от *beget* породить - уст.), *brethren* (братья – книж., поэт.), *fowl* (птица, пташка – арх., поэт.), *tomorrow* (завтрашний день, утро – уст.), *verily* (поистине – библ., книж., арх.), *raiment*

(одеяние – возвыш.), *loin* (чресла – библ., поэт.), *garner* (житница – поэт.) *thither* (на той стороне – книжн.), *notwithstanding* (однако – книжн.) и др.:

And Solomon begat Roboam... (Mt.1:7) ... his mother and his brethren stood without, desiring speak with him (Mt.12:46). Behold the fowls of the air ... (Mt.6:26). Take therefore no thought for the tomorrow... (Mt.6:24). Verily I say unto you, Among them that was born of women... (Mt.11:11) And the same John had his raiment of camel's hair, and a leathern girdle about his loins (Mt.3:4). ... he was afraid to go thither, notwithstanding, being warned of God in dream... (Mt.2:22).

Повсеместно используется устаревшая форма предлога *unto*:

... for I say unto you that God is able of these stone to raise up children unto Abraham (Mt.3:9) и устаревшие формы *Nay, Yea*:

But let your communication be Yea, Yea; Nay, nay: for whatsoever is more than these cometh of evil. (Mt.5:37)

К орфографическим особенностям King James Bible относится использование букв рунического алфавита в наименованиях. Например, в названиях *Judaea*, *Caesarea Philippi*, именах *Alphaeus*, *Thaddaeus* пишется руна «ash» [1, с.19] (которая в некоторых изданиях Библии короля Иакова изображается сочетанием букв *ae*).

В написании древнееврейских имен в King James Bible виден след влияния Септуагинты при переводе на английский язык. Так, пророк Илия имеет написание *Elias*, что соответствует греческому Ἠλίας [эл'иас] (*Mt.11:14*). Аналогичное окончание имеет имя пророка Ионы: *Jonas* (*Mt.12:41*), которое в греческом тексте имеет два варианта написания окончания при одинаковом чтении этого слова на греческом языке: Ἰωνά [ио'нас] и Ἰωνῆς [ио'нас]. [4] Ветхозаветное имя Иаков передается в литературе *Jacob* (*Mt.1:2; 8:11*), однако новозаветное имя Иакова – апостола передается как *James* (*Mt.4:21*).

Синтаксические особенности Библии короля Иакова – это, прежде всего, инверсия в предложениях и характер построения отрицательных и вопросительных предложений. Инверсия является мощным стилистическим приемом, особенно действенным в восприятии современного читателя, т.к. обычно порядок слов в современном английском пред-

ложении строго регламентирован. Инверсия также, как и архаизмы, книжные и поэтические слова придает повествованию возвышенное и взволнованное звучание:

Out of thee shall come a Governor (Mt.2:6). Out of Egypt have I called my son Out of thee shall come a Governor (Mt.2:15). In those days came John the Baptist...(Mt.3:1)Then cometh Jesus from Galilee to Jordan unto John to be baptized of him...(Mt.3:13)

Необычно построение отрицательных предложений: вспомогательные глаголы в них отсутствуют, а отрицательная частица *not* ставится после глагола:

Joseph, thou son of David, fear not to take unto thee Mary thy wife (Mt.1:20). Then Joseph....knew her not... (Mt.1:25). Think not that I am come... (Mt.5:17).

Порядок слов в вопросительных предложениях не строго регламентирован: с одной стороны, можно встретить привычную в современном английском языке конструкцию вопросительного предложения со вспомогательным глаголом в начале: *Do men gather grapes of thorns, or figs of thistles? (Mt. 7:16)* или *Lord, have we not prophesied in thy name? (Mt. 7:22)*. С другой стороны, на первом месте в вопросительных предложениях нередко стоят глаголы, несущие смысловую нагрузку: *And why beholdest thou the mote that is in thy brother's eye? (Mt. 7:3)*

Необходимо также отметить еще одну особенность текста Библии короля Иакова – это характер пунктуации. Баранова Л.Л. отмечает, что текст Библии короля Иакова характеризуется чрезмерно усиленной («over-stopped») пунктуацией, которая резко контрастирует по сравнению с ослабленной («under-stopped») пунктуацией в современной английской литературе. [1, с.27-28] Для примера возьмем предложение из Евангелия Матфея в Библии короля Иакова (Mt.12:14): *Then the Pharisees went out, and held a council against him, how they might destroy him.* В этом же предложении в Библии варианта New Revised Standard Version (издания конца XX в.) количество запятых действительно уменьшилось: *But the Pharisees went out and conspired against him, how to destroy him.*

Благодаря усиленной пунктуации текст в Библии короля Иакова воспроизводится в устной речи с легкостью, паузы четко организованы, общее ритмическое построение тек-

ста правильно сбалансировано. По мнению Барановой Л.Л., именно это «уникальное соединение звучания текста с его смыслом, содержанием-намерением» было самым большим достижением переводчиков Библии короля Иакова [1, с.28]. Пунктуация досконально отражает ритмическую организацию английской речи. Все это показывает, что переводчики King James Bible готовили перевод для тщательной декламации, которая так важна во время богослужения.

Подтверждают в целом богослужebную направленность текста Библии короля Иакова и выводы Е.М. Верещагина, сопоставившего тексты King James Bible и Библии митрополита Филарета (т.е. русского синодального перевода). Е.М. Верещагин считает, что переводы эти очень близки по духу. Причина, по его мнению, состоит в том, что переводчики Библии короля Иакова часто «в богословски ответственных контекстах» [5, с.51], обращались к Септуагинте, несмотря на главенствующую роль в переводе масоретского текста Танаха, а переводчики синодального русского текста Библии выполняли перевод исключительно с Септуагинты, которая также была источником для перевода на церковнославянский язык. Именно такая духовная близость английского текста King James Bible и русского текста синодальной Библии позволяет использовать Библию короля Иакова в православном богослужении на английском языке за рубежом. Кроме того, именно поэтому язык Библии короля Иакова используется в православных молитвах на английском языке.

Изучение лексическо-грамматических, орфографических, синтаксических и стилистических особенностей King James Bible показывает, что переводчики, трудившиеся над ее созданием, были не только выдающимися учеными, но и глубоко религиозными людьми, христианами, отличавшимися большой тщательностью и благоговейным отношением к богословским вопросам и сумевшими создать перевод Библии, секрет силы языка которого заключается в его богослужebном характере, с одной стороны, и в тщательной продуманности, научной выверенности, с другой. С этой точки зрения, можно сказать, что в переводе Библии короля Иакова осуществился гармоничный синтез научных и богословских подходов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Баранова Л.Л. Онтология английской письменной речи. М.: ПСТГУ, 2008. 310 с.
2. Большой англо-русский словарь. М.: Литература, 1998. 1168 с.
3. The Holy Bible containing Old and New Testaments and the Apocrypha. Cambridge: The Cambridge University Press. 872 с.
4. Библия: подстрочный перевод [электронный ресурс] // Biblezoom: углубленное исследование библейского текста он-лайн. URL: <http://www.biblezoom.ru> (дата обращения: 01.03.2015).
5. Алексеев М.Е., Нагорная А.В. Библия Короля Иакова: 1611-2011: Культурное и языковое наследие / Отв. ред. Яковенко Е.Б. М.: БукиВеди, 2013. 250 с. // Языкознание: реферативный журнал. М., 2014. № 3. С.47- 54.
6. Гумовская Г.Н. Языки для специальных целей: религиозный английский язык // Религиозная коммуникация и профессиональное образование. Серия Языкознание. М., 2014. Вып. 18(704). С.210-220.
7. Конурбаев М.Э. Библия короля Иакова в лингвопоэтическом освящении. URL: <http://www.bibleist.ru/biblio.php?q=046/01&f=03.html> (дата обращения: 01.03.2015).
8. Прохорова Т.А. Библии короля Иакова – 400 лет. URL: http://libfl.ru/about/dept/religion_centre/King_James_Bible_Ru.pdf (дата обращения: 01.03.2015).
9. Моэм Уильям Сомерсет. Луна и грош. М.: Эксмо, 2004. 544 с.
10. The Holy Bible. New Revised Standard Version. Nashville: Thomas Nelson Publishers. 816 с.

REFERENCES:

1. Baranova, L. Ontology of English Writing. Moscow: PSTGU, 2008. 310 p.
2. The English-Russian Dictionary. Minsk: Literatura, 1998. 1168 p.
3. The Holy Bible Containing the Old and New Testaments and the Apocrypha. Cambridge: The Cambridge University Press. 872 p.
4. Biblezoom: Profound Study of the Biblical Text Online. <http://www.biblezoom.ru> (date of access: March 1, 2015).
5. Alekseev, M., Nagornaya, A. The King James Bible: 1611-2011: Cultural and linguistic heritage. Responsible Editor Yakovenko E.B. M.: BukiVedi, 2013. 250. Abstract Journal of Jazykoznanie, V. 3 (2014). Pp. 47-54.
6. Gumovskaya, G. Languages for Special Purposes: Religious English. Religious communication and professional education. Series of Linguistics, no 18 (704) (2014). Pp. 210-220.
7. Konurbaev, M. King James Bible in Linguistic and Poetical Sanctification <http://www.bibleist.ru/biblio.php?q=046/01&f=03.html> (date of access: March 1, 2015).
8. Prokhorova T.A. King James Bible – 400 years. URL: http://libfl.ru/about/dept/religion_centre/King_James_Bible_Ru.pdf http://libfl.ru/about/dept/religion_centre/King_James_Bible_Ru.pdf (date of access: March 1, 2015).
9. Maugham, William Somerset. The Moon and Sixpence. Moscow: Eksmo, 2004. 544 p.
10. The Holy Bible. New Revised Standard Version. Nashville. Thomas Nelson Publishers. 816 p.

РАЗДЕЛ IV. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПЕРЕВОД

UDK 81'374

*Dekhnich O.V.,
Galtsev O.V.*

TRANSLATING METAPHORS IN LITERARY DISCOURSE

Dekhnich Olga Vitalievna

PhD in Philology, Associate Professor

Department of English Philology and Cross-Cultural Communication

Belgorod State National Research University; 85 Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: dekhnich@bsu.edu.ru

Galtsev Oleg Vladimirovich

PhD in Physical and Mathematical Sciences, Senior Lecturer

Department of Management Information Systems

Belgorod State National Research University; 85 Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: galtsev_o @bsu.edu.ru

АБСТРАКТ

The paper presents a contextual analysis of metaphor translation in literary discourse with reference to Edgar Allan Poe's "Ligeia" (Castle Books, 2009). Due to its highly vivid imagery, this work of fiction raises a number of interesting issues in its translation. Quite a few distinguished Russian (Soviet) translators such as Vladimir Rogov, Irina Gurova, Mikhail Engelhardt, Konstantin Balmont, Vitaliy Mikhalkuk, Nikolai Shelgunov attempted to translate this mystic piece of fiction. However, our focus is on how linguistic metaphors in Edgar Allan Poe's "Ligeia" were rendered into the target language by Irina Gurova and Konstantin Balmont. Edgar Allan Poe's "Ligeia" is considered to be a sophisticated complexity of technique, style, and meaning. Metaphor, being innovative, helps Poe to evoke and preserve the images and the atmosphere of suspense and mysticism, thus demanding from a translator all the skillfulness, knowledge and strategy to make the target text easier to understand, to adapt the translation to the target language conventions, to bring about the author's message. In order to articulate this point, some examples have been drawn from a well-known translations of "Ligeia" by Irina Gurova and Konstantin Balmont.

Key words: metaphor; translation; translatability; literary discourse; Edgar Allan Poe; "Ligeia".

SECTION III. ETHNOLINGUISTICS AND CULTURAL LINGUISTICS

Дехнич О.В.,
Гальцев О.В.

**ПЕРЕВОД МЕТАФОР
В ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ**

Дехнич Ольга Витальевна, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук
Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия;
E-mail: dekhnich@bsu.edu.ru

Гальцев Олег Владимирович, старший преподаватель
кафедры информационных систем управления, кандидат ф.-м. наук
Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: galtsev_o@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматривается контекстуальный анализ перевода метафор в литературном дискурсе на примере произведения Эдгара Алана По «Лигейя» (Castle Books, 2009). Благодаря наличию ярких образов, это произведение поднимает много вопросов по поводу его перевода. Многие выдающиеся российские (советские) переводчики, такие как Владимир Рогов, Ирина Гурова, Михаил Энгельгардт, Константин Бальмонт, Виталий Михалюк, Николай Шелгунов пытались перевести это мистическое художественное произведение. В данной статье рассматривается, каким образом лингвистические метафоры произведения Эдгара Алана По были переданы на язык перевода Ириной Гуровой и Константином Бальмонтом. «Лигейя» считается произведением, сложным в плане техники написания, стиля и значения. Оригинальные метафоры помогают По создать и сохранить образы и атмосферу неизвестности и мистики, что требует от переводчика особого мастерства, знаний и стратегий, которые позволят создать легкий для понимания текст, адаптировать его для целевой аудитории, правильно передав авторскую мысль. В качестве материала исследования были взяты переводы «Лигейи» известных переводчиков Ирины Гуровой и Константина Бальмонта.

Ключевые слова: метафора; перевод; переводимость; литературный дискурс; Эдгар Алан По; «Лигейя».

INTRODUCTION

Metaphor has been attracting the attention of many scientists from a variety of fields. Recent studies in linguistics, psychology, marketing, sociology, economics, et cetera show that metaphor is not only a figure of speech, but also a cognitive operation, a strategy.

Metaphor translation has been connected with the issue of its translatability limits (Van den Broeck, 1981; Newmark, 1988; Monti, 2006; Burmakova, Marugina, 2014, et al.) and has intrigued a number of scholars in Translation Studies who have approached the issue from different angles (perspective, contextual, descriptive and cognitive) [7, p.117].

Elena A. Burmakova and Nadezhda I. Marugina generalize it this way:

... metaphor translation is centered around three points: transfer procedures, text-typologies, and cultural specificity [2, p. 528].

Metaphor is generally seen as reaching its most sophisticated forms in literary language [14]. According to Elena Semino and Gerard Steen's *Metaphor and Literature*,

...most scholars seem to agree that the metaphorical expressions found in literature are more creative, novel, original, striking, rich, interesting, complex, difficult and interpretable than we come across in non-literary texts. Moreover, literary writers use metaphor to go beyond and extend our ordinary linguistic and/or conceptual resources, and to provide novel insights and perspectives into human experience [2, p.233].

M. Crofts suggests that metaphors are used for three main reasons:

- 1) to explain the unfamiliar which is already known;
- 2) to bring a group of connotations in mind;
- 3) to please the literary palate by introducing vividness and color [3].

The choice of the literary corpus, namely Edgar Allan Poe's "Ligeia" will show how metaphors in a literary text enrich its aesthetics, its internal coherence and its cognitive strength. In this case

...the translation of metaphors becomes a challenge in which the translator's goal is the recreation of an equally coherent and evocative system of images and connections in the target language [7, p. 118].

Edgar Allan Poe is considered to be one of the most mysterious writers of the 19th century. An explanation can be found in his complicated and full of strange consequences biography and his works with mystic metaphysical images and fantastic plots.

"Ligeia" is a short story written by Edgar Allan Poe in 1838. According to Edgar Poe, his best short story is "Ligeia". He noticed it in a letter to Griswold that "Ligeia" was the "loftiest" of his tales, requiring for its composition "the highest imagination" [qtd. in 4, p. 170]. Like many of his tales, it is told from the perspective of an unnamed narrator. This gives Poe the freedom in the storytelling and the ability to plunge the reader into the atmosphere of obsession and opium haze.

There are two main categories that the criticism of "Ligeia" falls under, i.e. literal and psychological. From the literal perspective, it is a "tale of the supernatural", whereas the psychological interpretation views the story as taking place on two levels – in reality and in the narrator's mind [4, p. 170]. It is not clear whether the lady under the question is a "real person" or the narrator's imaginative invention.

The story is a weird and mindbinding case happened to a man, who had lost his beloved wife Ligeia, and soon married Lady Rowena, his second wife. Shortly after that Rowena became ill and died as well. The grief-stricken narrator stayed with her body overnight and witnessed as Rowena came back from the dead though after the death she had transformed into his lost sweetheart, Ligeia.

You will not find bright stylistics in "Ligeia". In "Ligeia" the world is gray and everything is old and decaying. And it is seen in the choice of metaphors.

This tale was translated into Russian by a great amount of distinguished Russian (Soviet) translators such as Vladimir Rogov, Irina Gurova, Mikhail Engelhardt, Konstantin Balmont, Vitaliy Mikhailuk, Nikolai Shelgunov. The most well-known translations by Irina Gurova and Konstantin Balmont will be analyzed further in the paper.

MAIN PART

Edgar Poe uses numerous lexical and stylistic devices in all his works including "Ligeia". Within the framework of this paper, we will envisage only metaphors and how they are rendered into the target language (TL).

In its most general way, a metaphor can be described as a means of expressing one thing in terms of another, i.e. it "compares two unlike objects or ideas and illuminates the similarities between them" [12]. The process of metaphor translation is the creation of an original metaphor in new including but no limited to cultural conditions when there is no corresponding metaphor in a language and culture of the TL. Every time a translator has to make a decision and it proves the difficulties of such a creative work. Some scholars claim that "however culture specific, metaphor is not a case of untranslatability, but a challenging phenomenon in term of unpacking its complexity in a source language and culture and re-packing it in a target language and culture" [13, p. 6].

The paper discusses the features of translatability, above all, of an individual author's metaphor (a 'bold' / private / original metaphor). Under the original [copyright] metaphors, for example, Peter Newmark (2008) understands metaphors which are created by the writer or speaker usually to make the narration more interesting and are often used to highlight particular points or as a vivid reiteration. P. Newmark believes that original metaphors should be translated literally as they "contain the core of an important writer's message..." [8, p. 112]. However, if in the opinion of a translator metaphor contains cultural elements that may not be clear to a recipient, it should be replaced with a descriptive metaphor or reduced to sense. Reduction and modification of metaphor are also possible if the metaphor is obscure [ibid.].

Raymond van den Broeck presents his own classification of metaphors dividing them into three types:

1) lexicalized metaphors, which include expressions which have "lost their uniqueness" and become part of the lexicon in a particular language (cf. Newmark's dead metaphor);

2) traditional or conventional metaphors, which include expressions that are the products of a particular literary period;

3) private and individual metaphors, which include expressions revealing the innovative creativity of their authors [1, p. 75].

Van den Broeck outlines three major procedures of translating metaphors:

- Translation *Sensu Stricto*: The translator keeps the same tenor and vehicle of the source text's expression.
- Substitution: The translator replaces the vehicle of the source text expression with another vehicle but at the same time keeps the same tenor.
- Paraphrase: Here the translator uses not a metaphorical expression but a literal one [ibid, p.77].

According to Raymond van den Broeck, while transferring metaphor the following things must be taken into account in TL and SL (source language):

1) collocation rules and morphological potentialities;

2) extra-linguistic factors, the so-called cultural context;

3) aesthetic convention and tradition, the differences in aesthetic and moral standards [ibid, p. 80-81].

To follow their footsteps, Christina Schäffner suggests a number of translation procedures to deal with the problem of metaphor translation, e.g. substitution (metaphor into different metaphor), paraphrase (metaphor into sense), or deletion [11].

To begin with, one of the first metaphors found in the text of TL that is "*her marble hand*" [9, p. 89] that Gurova translates as "*belomramornuyu ruku*" [6, p. 123], while Balmont substitutes it for a simile "*slovo vytochennoi iz mramora rukoi*" [5, p. 36]. While portraying Lady Ligeia Poe uses a great deal of metaphors (allusions) from ancient literature and mythology, however, they can be rendered descriptively.

Notwithstanding, one should pay attention to such expressions as '*twin stars of Leda*' [9, p. 90], which Gurova translates as "*vyvozdy-bliznetsy, rozhdennye Ledoi*" [6, p.

124], thus already giving some clue to the etymology of the said expression. Konstantine Balmont, on the contrary, gives to his translation a more “mundane” coloring *‘dvumya sozvyozdnymi bliznetsami Ledy’* [5, p. 37]. The etymology of the expression goes back to ancient Greek mythology, already mentioned above, where the Dioscuri twins were the children of Leda, an ancient beauty, who attracted Zeus. This explanation once again proves that Poe’s metaphors are multifaceted and have deep roots and meaning.

While describing Leda’s death-pangs, the author mentions the words of comfort Leda used speaking to her beloved. E. Poe uses the metaphor *‘a melody more than mortal’* [9, p. 95] to give a complete picture of how her voice correlates with the meaning of the spoken words. In her translation Gurova extends the metaphor to *‘melodii, nedostupnoi smertnym’* [6, p. 129], while Balmont uses a slightly different variation *‘sverhchelovecheskaya melodiya’* [5, p. 41]. Therefore, both translators attempt to preserve and render a mystical stylistic nuance that characterizes the metaphor in the SL.

Furthermore, speaking of his second young wife, Lady Rowena, the author chooses the metaphor *‘the successor of the unforgotten Ligeia’* [9, p. 96], and thus making the reader to foresee the fate of the girl. Irina Gurova offers the following version of the translation *‘preemnitsa nezabytoi Ligei’* [6, p. 132], which is consistent with the meaning of the chosen metaphor. Konstantine Balmont in his turn uses the same word *‘preemnitsa’* [5, p. 42].

One of the original Poe’s metaphors *‘untrodden path’* [9, p. 93], representing the perspective of a thought that leads to knowledge, Gurova translates as *‘nehozhenay tropa’* [6, p. 130]. Such translation fully preserves the original metaphor. Balmont translates the metaphor as *‘devstvenny put’* [5, p. 40], which also preserves the image of the metaphor, but gives it a peculiar shade of the Silver Age perception.

At the moments when there was no Ligeia – his advisor, companion and lover – beside him,

the main hero calls himself *‘a child groping benighted’* [9, p. 40]. In Irina Gurova’s translation the metaphor rendered as *‘rebyonok, oschup’yu brodyaschii vo t’me’* [6, p. 129], while Konstantine Balmont develops the image *‘bespomoshnym rebyonkom, kotoryi v nochnom mrake oschup’yu otyskivaet svoyu dorogu i ne nachodit’* [5, p. 39]. K. Balmont extends the metaphor for the completeness of understanding and details the image of the author’s original version.

After Ligeia’s death, the second wife of the hero fell sick, and it was a long recovery. Suddenly Lady Rowena fell ill for the second time. To display the strength of her illness Poe uses the metaphor *‘a bed of suffering’* [9, p. 45]. Konstantine Balmont translates the expression significantly expanding the image, which is, alas, through personification metaphorically dissolved: *‘Odnako, cherez samyi korotkii promezhutok vremeni, vtorichnyi pripadok, eschyo bole sil’ny, snova ulozhil ee v postel’* [5, p. 42]. Irina Gurova tries to preserve the original author’s metaphor giving it word-for-word *‘lozhe stradaniy’* [6, p. 132], that helps to retain the most sacred mystery of the author’s intention, implying not only the physical ailment of his young wife.

CONCLUSION

In conclusion, briefly comparing these metaphor translations of the two outstanding masters of interpreting it can be mentioned that Irina Gurova’s translation is more literal and goes well with Peter Newmark’s theory, the main idea of which is the preservation of the author’s original metaphor. As for Konstantin Balmont’s translation, he tends to extend original metaphors to exploit their full meaning and better convey the author’s intentions. However, both translators not in the least disrupt the integrity of the source text which is the most important translator’s responsibility.

Metaphor by all means is a challenge to a translator as well as a theoretical problem in Translation Studies and, therefore, a phenomenon worth studying, since rendering metaphors across languages and cultures is a complex and complicated task.

REFERENCES

1. Broek van den Raymond. The Limits of Translat-ability Exemplified by Metaphor Translation. *Po-etics Today, Translation Theory and Intercultural Relations*. Vol. 2, No. 4 (1981). Pp. 73-87.
2. Burmakova E.A., Marugina N.I. Cognitive Ap-approach to Metaphor Translation in Literary Dis-course. *Procedia-social and Behavioral Sciences*. Open Volume 154 (2014). Pp. 527-533.
3. Crofts M. Translating Metaphors. *Australian Re-view of Applied Linguistics*. Vol. 11, No.1 (1988). Pp. 47-53.
4. Davis J.L., Davis J. H. Poe's Ethereal Ligeia. *The Bulletin of the Rocky Mountain Modern Language Association*. Vol. 24, No. 4 (1970): Pp. 170-176.
5. *Edgar Allan Poe in translations from English by K.D. Balmont. Volume One. Poems, tales ...* Mos-cow: Scorpion, 1901. 328 p.
6. Gurova I.G. *Edgar Allan Poe. Favorites*. Moscow: Fiction, 1984. 312 p.
7. Monti E. Dwelling upon Metaphors: The Transla-tion of William Grass's Novellas. *Nordic Journal of English Studies*. Vol. 5, No. 1 (2006). Pp. 117-132.
8. Newmark P. *A Textbook of Translation*. Harlow: Pearson Education Limited, 2008. 292 p.
9. Poe E.A. *Edgar Allan Poe: Complete Tales and Po-ems*. Castle Books, 2009. 842 p.
10. Semino E., Steen G. Metaphor in Literature. *The Cambridge Book of Metaphor and Thought*. Ed. by Raymond W. Gibbs, Jr. Chapter 13. Cambridge University Press (2008). Pp. 232-246.
11. Schäffner K. Metaphor and Translation: Some Im-plications of a Cognitive Approach. *Journal of Prag-matics*. Vol. 36 (7). Pp. 1253-1269.
12. Sommer E., Weiss D. *Metaphor Dictionary*. Visi-ble Ink Press, 2001. 612 p.
13. Taheri-Ardali M., Bagheri M., Eidy R. Towards a New Model to Metaphor Translation: A Cognitive Approach. *Iranian Journal of Translation Studies*. Vol. 11 (2013). Pp. 35-52.
14. Zhang Y. *Translations of Metaphors in Literary Discourse – An Analysis of Weicheng and Fortress Besieged*: M.A. Thesis. The University of Queensland, 2009. 170 p.

UDK 81.26

Lugovaya E.A.
Lugovoy D.B..

**LITERARY TRANSLATION
AS A CREATIVE ACTIVITY**

Lugovaya Ekaterina Alexandrovna

PhD in Philology, Associate Professor

Stavropol State Pedagogical Institute

417a Lenin St., Stavropol, 355000, Russia

E-mail: ek.lugovaya@yandex.ru

Lugovoy Dmitriy Borisovich

PhD in Philology, Associate Professor

North Caucasus Federal University

1a Pushkin St., Stavropol, 355000, Russia

E-mail: d.lugovoy@rambler.ru

ABSTRACT

The anthropocentric approach which is of great importance nowadays deals with the theory of translation. The most important areas of it are the study of procedural and heuristic aspects of the translator's activity, the typology of translation, the studies of structural and functional transformations of language units during the translation and study of national-cultural specifics in the translation process. The modern theory of translation is a searching of extralinguistic, socio-cultural and psychological factors that shape its strategy and norms as a creative activity. We analyse the story "Tree and Leaf" written by J. R. R. Tolkien as a creative activity. We point out 3 different types of translations made by E. Gippius, S. Koshelev and O. Stepashkina. We state that the title is a "collapsed" text that incorporates cultural, historical, ethnic, linguistic information. We also pay attention to linguistic specific of the main character's name that has transformations in three different versions of the translation.

Key words: cross-cultural communication; the status of the literary translation; cultural direction in the translation; linguistic and cultural specific of translation; the author's individual information; translation as a creative activity; the headline as a "collapsed text"; transformations of Proper name in translation.

*Луговая Е.А.,
Луговой Д.Б.*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРВОД КАК КРЕАТИВНАЯ ДЕТЕЛЬНОСТЬ

Луговая Екатерина Александровна, доцент кафедры русского языка,
кандидат филологических наук

Ставропольский государственный педагогический институт

ул. Ленина, 417 А, Ставрополь, 355000 Россия

E-mail: ek.lugovaya@yandex.ru

Луговой Дмитрий Борисович, доцент кафедры СМИ,

кандидат филологических наук

Северо-Кавказский федеральный университет

ул. Пушкина, 1а, Ставрополь, 355000 Россия

E-mail: d.lugovoy@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

В рамках антропоцентрического подхода на современном этапе развития теории перевода наиболее значимыми направлениями являются изучение процессуальных и эвристических аспектов деятельности переводчика, типологизация перевода по характеру переводимых текстов, исследования структурно-функциональных трансформаций языковых единиц при переводе, а также исследование национально-культурной специфики процесса перевода. Современная теория перевода - это поиск внеязыковых, социокультурных и психологических факторов, формирующих его стратегию и норму как креативной деятельности. Нами предпринята попытка проанализировать рассказ Дж. Р. Р. Толкина "Tree and Leaf" как креативную деятельность на материале переводов Е. Гипшиус «Дерево и лист», С. Кошелева «Лист работы Мелкина», О. Степашкиной «Лист кисти Нигля». Учитывая, что заголовок является «свернутым» текстом, концентрирующим культурно-историческую, этническую, лингвокультурологическую и индивидуально-авторскую информацию, мы рассматриваем различные варианты перевода рассказа, который в буквальном переводе с английского звучит «Дерево и лист», а также обращаем внимание на лингвопереводческую специфику имени главного героя произведения в трех различных вариантах перевода.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; статус художественного перевода; культурное направление в переводе; лингвокультурологическая специфика перевода; индивидуально-авторская информация; перевод как креативная деятельность; заголовок как «свернутый текст»; трансформация имени в переводе.

INTRODUCTION

The anthropocentric approach influences the theory of translation which studies such areas as the study of procedural and heuristic aspects of the translator's activity, the typology of translation, structural and functional transformations of language units in the translation (Komissarov, 2000; 2007; Retsker, 1980; Schweitzer, 1999; Goncharov, 1999; Dudin, 1989; Karabanov, 2000), as well as the study of national-cultural specificity in the translation process (Kazakova, 2006, Nelyubin, 2008, Ogneva, 2012). Modern theory of translation is a searching of extralinguistic, socio-cultural and psychological factors that shape its strategy and norms as a creative activity (Sosnina, 2003, 2004, 2010 Kunitsyna, 2011).

As L. L. Nelyubin states, "literary translation should convey the spirit of the translated works and impress his reader what the original manufactures on "his" language and culture" [8, p. 246]. The dual status of literary translation corresponds to its dual role in the cross-cultural communication: on the one hand, translated text replaces the original readers, and on the other, becomes a literary fact of translating culture. The first condition requires that translation can be faithful to the original text. Moreover a translated text has literary qualities in accordance with the norms and traditions of translating language and culture [5, p. 3].

MAIN PART

Literary translation is a very complex psychosemiotical process of perception, it is the sense of the original text and is connected with semiosis as a labeling art information by means of translating language and culture. It is often "behind the surface, the actual linguistic values define a direct correlation of the linguistic sign with subjective aspect of logical phenomena, it is a network of general and individual associations authored by the reader and the interpreter in a complex process of reconstruction the artistic image" [5, p. 4]. From the subjective perception of the interpreter the information value of the text source, its artistic images, depends the future of translation works. We pay attention into the role of the psychological aspects in the process of literary

translation, which can be viewed as the combination of several stages:

1) the stage of development the text by a translator. The original text is not only an iconic reflection of the author's thoughts, acquiring independent status, but the text rethought by translator, who reborn it in a new material-expressed thought, alienated from the author and formed in the mind of interpreter. T. A. Kazakova means it in the term "discrepancy" - "the semiotic gaps, which are determined by the misunderstandings of cultural and linguistic experiences of the author and the recipient of the text" [5, p. 124].

2) the stage of translation of semiosis, in which the characters of the original text enter the complex and contradictory relations not only with the thesaurus translator, but also with the terms of translating culture and capabilities of translating language. However, information gaps that arose in the course of secondary semiosis remain and create a semiotic tension in the bill text. This tension arises due to translation errors and reduces the level of symbolic imitation of the original text.

Scientists who recognize the status of literary translation as an independent and distinct from other types of translation can not give a clear definition of this phenomenon. Literary translation, as well as any text of fiction, is characterized by ambivalence and variability of its interpretations.

E. Yu. Kunitsyna states in the dissertation "The Linguistic basis in logical theory of literary translation" that intensive development of the modern science of translation, appealing to the achievements of linguistics, philosophy, semiotics, psychology, literary criticism and other humanitarian subjects. She investigated new translations of Shakespeare at the end of the XXth century and in the beginning of the XXIth century supposed a new understanding of translation as a creative activity and as a spiritual product of this activity [6, p. 3].

New paradigms of translation are based on the cognitive theory of translation of Voskoboynik [14], dialogical theory of translation D. Robinson [11], ludus theory of literary translation by E. A. Kunitsyna [6].

Voskoboynik G.D. in his work "The cognitive dissonance and the theory of translation" considers that the basic concept is widely spread in Russian theory of translation. The essence of the cognitive theory of translation according to Voskoboinik means "a broad understanding of translation as an activity related to any attempt of interlingual mediation, regardless of its results, or what is called in the theory of speech acts" [14, p. 24]. Such a broad interpretation of the phenomena can be reduced into knowledge of the master and a "naive" translator trying to create cross-cultural communication without any prior experience and knowledge. The character of translation episteme defines two types of identity - positivist and phenomenological. Positivist identity is based on the perception of its sides as objectively data in the language and reality (defined as a "(translation) compliance"). It manages interlingual mediation in the World of Reality / Action, i.e., in a communicative space in which the participants use language to implement practical action. The dominant intention of the translator is a "consistent action". Phenomenological identity is based on the synthesis of its sides in the internal time ego (translator) (determined by the notion of "experience"). It manages interlingual mediation in the World of Values, i.e., in a communicative space in which participants use the language for the expression and perception of emotions. The dominant intention of the phenomenological identity is "consistent experience" [14, p. 28].

In the monograph "Literary translation: problems of transmission components of the translation code" written by E. A. Ogneva [9] the author points out into phenomenon of cultural interpretation of a literary text in translation. She speaks about the phenomenon of symmetry/asymmetry of the linguistic sign in translation, translation components of the code, as well as the phenomenon of symmetry/asymmetry units of the text during cross-lingual adaptation. In the monograph translation is viewed as a multifaceted linguistic process based on the identification of two language systems, as a way to transpose the images of

consciousness. The translation is based on the contradiction between the language itself, because on the one hand, language unites people, and on the other it shared humanity, because speaking in another language we don't understand each other [9, p.8].

Literary translation in foreign theory is traditionally seen as the outcome and as a process. So, in "Encyclopedia of literary translation" art is the translation, which is "based on personal readings, research and creativity. This new creation in turn becomes the basis for multiple readings and interpretations which will go beyond any intentions of either the original author or translator" [4, p. 207]. It is this understanding of literary translation as a result in common. Recently, the focus of translato-logists shifted from the study of translation to the translator [3, p. 20], because each translation reflects the understanding of the translator of the original.

The founders of the "cultural" trends in the theory of translation Susan Bassnett and Andre Lefevre has allocated a new translation unit: "neither the word, nor the text, but the culture becomes the operational 'unit' of translation" [2, p. 8]. This definition is made in the spirit of the "cultural turn" and once again demonstrates the desire of scientists to attract the attention of researchers and translators to cultural and linguistic phenomena in translation.

Culture as the transfer unit has a language of the incarnation in the text. In the Anglo-American theory of translation "there are a number of terms denoting linguistic items of cultural phenomenon (concept, realia): 'cultural words' Peter Newmark, 'culture-specific references' Willow Gambler, 'cultureme' Kristianna Nord. The most common and widespread in translation theory have become 'cultural items' and 'culture-specific concepts'" [10].

Under the new "culture-centric" approach the process of translation should not be construed as "switching from one language code to another"[7, p. 78], because it consists of transferring the text from the "native" cultural environment of the recipient culture. In other words, the translation must take into account the "cultural context" (cultural context) as the

original and translated text. Under the cultural context we understand a world vision that links together the members of social group and distinguished them from others" ("the world, bringing together representatives of social groups, and distinguishes them from each other") or "a set of cultural predispositions (conventions, beliefs, values and assumptions) internalized in the mind of the individual but socially determined" [2, p. 61].

Cultural research paradigm involves the understanding of national literature as a kind of "literary system", which is created and exists in a certain environment, formed by the social system and cultural system. All three systems are open and interact with each other. Moreover, translation is also treated as a special system within the system of national literature and interacting with it bilaterally.

Literary translation is dual in its nature in cross-cultural communication: on the one hand, translated fiction text replaces the original readers, and on the other, becomes a literary fact of the host culture. The first condition requires a translation faithful to the original, second - literary qualities, in accordance with the norms and traditions of translating language and culture [1, p. 3]. The research works of the genre "fantasy" in the translation aspect is of special interest. We consider not only the language identity of the author of the text, but the language of the translator as the representative of his people, media ethno-linguistic information relevant to its culture. Translation is one of the most important methods of penetration into the semantic essence of the original, forming, together with the original "discursive space of a large explanatory power" [8, p. 172].

Lingvo-translational specification of Tolkien's novels is of great interest because it helps to explain and interpret "untranslatable" phenomena and facts. There are 7 different variants of translation of the epic "Lord of the Rings", but these versions cannot be considered static and exclusively only because the author has created a "Guide to the translation of Proper names", where he described the vocabulary of Quenya and Sindarin elements in

names, linguistic, stylistic ways of translation each of the names, but, unfortunately, all Russian translations contain only transliteration, so elitist language personality of Tolkien remained incomprehensible to Russian reader.

The story "Tree and Leaf" known to the Russian reader due to translations of E. Gippius "Tree and leaf", S. Koshelev "The page of Melkin", O. Stepashkin "The Leaf created by Niggle". We consider that the title is a "collapsed" text, because it concentrates cultural, historical, ethnic, linguistic information which is complicated with the author's individual information. We analyze what served as the basis for such different versions of the story, which in a literal translation from English sounds "Tree and leaf".

The title is a kind of a text element, having a dual nature. On the one hand, this is a language structure that precedes the text, standing above him and before him. So the title is perceived as a speech element that is outside the text and have a certain independence. On the other hand, the header is a full - fledged component of the text included in and associated with other components of the integral text (beginning, middle, ending), with which it is architectonics of the text. This "dual nature" header and determines many of its characteristics.

The peculiarity of the title story, J. R. R. Tolkien's "Tree and Leaf" in the translation is that each translator seeks to reflect some dominant idea, emphasizing and complicating it. Only E. Gippius, fulfilling the earliest and most famous translation of the story in 1968, uses the literal translation, not taking into account the adequacy / equivalence of header content.

S. Koshelev, who wrote Ph.D. thesis in 1983 on the works of J. R. R. Tolkien, transforms the story with the title "The page of Melkin". In our opinion, his translation is of the most successful of all before us, because he has tried to reflect linguistic and cultural approach to the translated work: the name of the main character **Niggle** is translated into Russian as follows: *niggle* "(n) trifle; v.t. (irritate) to touch, to tease; v.i. (fuss over details) to do nothing, to bother, to annoy, to fool, make trivial com-

plaints) to peddle, to find fault with trifles" [11, p. 401].

S. Koshelev takes into account the author's attitude towards the main character, giving him the name Melkin: *"It would not do him any harm, perhaps," said the Second Voice. "But, of course, he is only a little man. He was never meant to be anything very much; and he was never very strong". "Maybe you're right," said the second voice, but he's only human. Small and weak* (Translated by S. Koshelev) [13, p. 28].

The translator O. Stepashkina passes the name of the main character of the story by using transliteration - Niggle, not revealing the name of any important components, it is based on has already known translation made by S. Koshelev and reflects the main idea of the text, and the story gets the name "The Leaf created by Niggle".

Having examined the transfers of title as a conceptual significant part of the text, we can analyze the translations of the text as a whole, each of them is expanded symbol, it crystallizes the matrix for symbolic values, ambivalent complexes of symbolic meanings, the secondary characters, which express the values of the source symbol that helps to characterize the language of the translator.

As we have already noted, "Tree and Leaf" is a key work of Tolkien, allowing to draw Parallels between the tale and the life of its author: like a little artist Tolkien never finished the tree throughout its life - world of middle-earth, each time returning to the writing of the "leaves" - Elvish languages Quenya, Sindarin and other details, helping to more clearly reflect the linguistic preferences of the author. A complete history of Middle-earth, reflected in the works "Hobbit, or there and back again", the epic "Lord of the Rings", "Silmarillion", "Akallabeth (the Fall of Númenor)", "On Rings and power of the Third age" and other texts, was launched in 1915-1917, the book "Silmarillion", which was released only in 1977, thanks

to Christopher Tolkien when his father is gone from this world.

Niggle did not finish his Picture, he had to Travel. As a key to Tolkien's story we highlighted the word "journey", because it is the ultimate goal of the main character's works, a little artist with a speaking name Niggle about whom Tolkien says in the first sentence: *There was once a little man called Niggle, who had a long journey to make. He did not want to go, indeed the whole idea was an extremely distasteful to him; but he could not get out of it. He knew he would have to start some time, but he did not hurry with his preparations* [11, p. 11].

The Niggle's journey on the other side of life ends with the vision of the Tree: *Before him stood the Tree, his Tree, finished. If you could say that of a Tree that was alive, its leaves opening, its branches growing and bending in the wind that Niggle had so often felt or guessed, and had so often failed to catch. He gazed at the Tree, and slowly he lifted his arms and opened them wide. "It's a gift!" he said. He was referring to his art, and also to the result; but he was using the word quite literally* [11, p. 18].

CONCLUSIONS

In Russian and foreign Philology the study of translation is important, it has special communicative-pragmatic significance. It helps to investigate linguistic and cultural specificity of literary texts of the "fantasy" genre, which is considered on the material of the story "Tree and leaf" written by J. R. R. Tolkien. "Tree and Leaf" is a key work of Tolkien, allowing to draw Parallels between the tale and the life of its author: like a little artist Tolkien had never finished the Tree of his life (Middle-earth), each time returning to the writing of the "leaves" - Elvish languages such as Quenya, Sindarin and other details, helping to more clearly reflect the linguistic preferences of the author.

REFERENCES

1. Alexeeva L.M. *Translation as a Reflective Activity*. Perm State University Bulletin. 2010. Vol.1 (7). Pp. 45–51.
2. Bassnett Susan and André, Lefevere. *Translation, History and Culture*. London and New York: Pinter. 1990.
3. Dryden John. *Three Types of Translation*. *Translation Studies Reader*. Ed. by S. Gabrielyan. Yerevan: Sahak Partev. 2007.
4. *Encyclopedia of Literary Translation*. Editor Olive Classe. London: Fitzroy Dearborn. 2000.
5. Kazakova T. A. *Literary Translation: searching the truth*. SPb. 2006. 224 p.
6. Kunitsyna E. Yu. *The Linguistic Basis of Ludus Theory in Modern Literary Translation*. Irkutsk. 2011.
7. Lefevere André. *Translating Literature: Practice and Theory in a Comparative Literature Context*. New York: The Modern Language Association of America. 1992.
8. Nelyubin L.L. *The Translating Dictionary*. M.: Flinta. 2003. 320 p.
9. Ogneva E.A. *Literary Translation: the Problem of Transmission Components of Translating code*. M.: Editus. 2012. 234 p.
10. Robinson Douglas. *Literary Translation Practices*. *Encyclopedia of Translation Studies*. London and New York. Baker, M. (ed.): Routledge, 1998, 2001.
11. *The Oxford Russian Dictionary / English-Russian*. Edited by Paul Falla. Revised and Update throughout by Collin Hawlett. Oxford-Moscow. 1997. 738 p.
12. Tolkien J.R.R. *The Letters...* Ed. H.Carpenter. L.: Unwin Paperbacks, 1981. 587 p.
13. Tolkien J.R.R. *The page of Melkin*. M.: Hudozhestvennaya literatura. 1983. 157 p.
14. Voskoboynik G.D. *The cognitive dissonance and the theory of translation*. Irkutsk. 2001. Pp. 23-29.

УДК 81-139

Огнева Е.А.

**СИНЕРГИЯ
В МНОГОСЕГМЕНТНОЙ МОДЕЛИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА
В КРОССКУЛЬТУРНОМ ПОЛЕ
ПЕРЕВОДА****Огнева Елена Анатольевна,**

зав. кафедрой иностранных языков, доктор филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет:
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: Ogneva@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматривается структура художественного текста, репрезентирующего французские исторические реалии Позднего Средневековья. Изложены результаты когнитивно-герменевтического анализа концептосферы произведения В. Гюго «Собор Парижской Богоматери». Выявлена многосегментность номинативного поля концепта «Парижский праздник», в архитектонике которого воплощена синергия четырех сегментов: социосегмента, темпорального сегмента, проксемного сегмента и этносегмента, выражающего культурологический аспект в единой модели исследуемого концепта. В авторскую терминологическую базу ведены новые понятия: многосегментная модель, социосегмент, темпоральный сегмент, проксемный сегмент и этносегмент. Представлены результаты когнитивно-сопоставительного анализа модели концепта «Парижский праздник», реализованной в тексте оригинала и текстах перевода на русский и английский языки. Установлены тенденции кросскультурной адаптации архитектоники номинативного поля рассматриваемого концепта. Выявлена специфика трансляции каждого из сегментов, составляющих концепт «Парижский праздник».

Ключевые слова: синергия, концептосфера, художественный текст, кросскультурная адаптация, многосегментная модель.

Ogneva E.A.

**SYNERGY
IN THE MULTI-SEGMENT MODEL
OF LITERARY CONCEPT IN
CROSS-CULTURAL
TRANSLATION**

Ogneva Elena Anatolievna

*Doctor of Philology, Associate Professor
Head of Department of Foreign Languages
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015 Russia
E-mail: Ogneva@bsu.edu.ru*

ABSTRACT

The article deals with the structure of literary text representing some French historical realities of the late Middle Ages. The results of cognitive-hermeneutic analysis of the sphere of concepts in V. Hugo`s novel "The Hunchback of Notre Dame" are represented. The author reveals the multi-segmental nominative field of the concept "Paris Holyday". The architectonics of this concept is studied as a unity of four segments such as a social segment, a temporal segment, a space segment and an ethno-segment. The author introduces some new terms into the term-base which include: (1) a multi-segmental model, (2) a socio-segment, (3) a temporal segment, (3) a space segment and (4) an ethno-segment. The results of the cognitive-comparative analysis of the literary model named "Paris Holyday" are represented. Three literary models of such concept in the original text and two texts translated into Russian and English are compared. The tendencies of cross-cultural adaptation of architectonics of the literary concept nominative field are identified. The specificity of translation of all four segments making the concept "Paris Holyday" is identified.

Key words: synergy; conceptsphere; fiction; cross-cultural adaptation; multi-segmental model.

Введение

В последние десятилетия в области исследования художественного текста достигнуты значительные результаты, способствующие выходу этого направления языкознания на более высокий уровень развития. Однако тексты литературно-художественных произведений по-прежнему находятся в фокусе филологических исследований, в частности лингвокогнитивных изысканий.

Теория текстовой реализации концепта образует одно из инновационных направлений развития современной лингвокогнитологии вследствие того, что «схоластичность концепта делает механизм его связи с реальной вербализацией многообразным по типу и по неоднозначности получаемого результата» [4, с. 81]. Концепты художественного текста маркируются нами как художественные концепты, которые, как ранее было доказано, образуют концептосферу художественного текста, воплощая авторский замысел, т.е. реализуя когнитивно-сюжетную сетку произведения.

Цель работы заключается в исследовании архитектоники многосегментной модели концепта, репрезентированного в концептосфере художественного произведения В. Гюго «Собор Парижской Богоматери», в установлении степени трансляции синергии этого типа художественного концепта средствами разноструктурных языков, определении тенденций адаптации лингвокультурологически обусловленной синергии оригинального текста на французском языке к восприятию инокультурных читателей России и Великобритании.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили текст первого исторического романа, созданного на французском языке известным писателем В. Гюго и опубликованным в 1831 году, романа, повествующего о событиях в Средневековом Париже. В исследовании применён авторский метод когнитивно-герменевтического анализа художественного текста. Материалом исследования также послужили тексты перевода романа на русский и английский языки, изученные посредством автор-

ского метода когнитивно-сопоставительного исследования.

Основная часть.

Архитектоника концептосферы художественного текста рассматривается в наших исследованиях как единство когнитивных образований и репрезентирующих их статичных, статично-динамичных, динамичных форматов когнитивных структур форматов знания. Под форматом знания понимается целостное единство структур знаний [подробнее: 3, с. 12], посредством которых реализуются, художественные образы персонажей, разворачивается художественное пространство, формируется когнитивная аура концептосферы.

Архитектоника номинативного поля каждого концепта обусловлена набором статичных, статично-динамичных, динамичных форматов когнитивных структур, в рамках которых реализуются художественные концепты.

Проведённые исследования показывают, что н-часть номинантов каждого художественного концепта находится в тематической корреляции как с ядом данного концепта, так и н-частью иных концептов, образуя в свою очередь другие концепты исследуемой концептосферы произведения.

Например, рассмотрим следующий контекст и романа V. Hugo «Notre-Dame de Paris» (Собор Парижской Богоматери):

Le 6 janvier, ce qui mettoit en émotion tout le populaire de Paris, comme dit Jehan de Troyes, c'était la double solennité, réunie depuis un temps immémorial, du jour des Rois et de la Fête des Fous.

Ce jour-là, il devait y avoir feu de joie à la Grève, plantation de mai à la chapelle de Braque et mystère au Palais de Justice.

Le cri en avait été fait la veille à son de trompe dans les carrefours, par les gens de M. le prévôt, en beaux hoquetons de camelot violet, avec de grandes croix blanches sur la poitrine.

La foule des bourgeois et des bourgeoises s'acheminait donc de toutes parts dès le matin, maisons et boutiques fermées, vers l'un des

trois endroits désignés. Chacun avait pris parti, qui pour le feu de joie, qui pour le mai, qui pour le mystère. Il faut dire, à l'éloge de l'antique bon sens des badauds de Paris, que la plus grande partie de cette foule se dirigeait vers le feu de joie, lequel était tout à fait de saison, ou vers le mystère, qui devait être représenté dans la grand-salle du Palais bien couverte et bien close, et que les curieux s'accordaient à laisser le pauvre mai mal fleuri grelotter tout seul sous le ciel de janvier dans le cimetière de la chapelle de Braque [8, с. 9-10].

Проведённый когнитивно-герменевтический анализ материала выявил ряд особенностей номинативного поля концепта «Парижский праздник», как репрезентационной модели одного из праздничных дней в средневековой Франции, в Париже. Состав этой модели подразделяется на несколько сегментов, которые, в свою очередь, входят в номинативные поля других концептов исследуемой концептосферы, но в данном контексте синергия этих когнитивных сегментов способствовала формированию модели концепта «Парижский праздник».

В рассматриваемой модели концепта выявлены следующие сегменты:

- (1) социосегмент модели;
- (2) темпоральный сегмент модели,
- (3) проксемный сегмент модели,
- (4) этносегмент модели, выражающего культурологический аспект.

Под социосегментом модели концепта в работе понимается совокупность номинантов, репрезентирующих представителей различных слоёв и групп общества, выступающих в роли персонажей произведения.

Под темпоральным сегментом модели концепта понимается совокупность номинантов, репрезентирующих художественное время, коррелирующее с ядром заданного концепта.

Под проксемным сегментом модели концепта понимается совокупность номинантов, репрезентирующих художественное пространство, коррелирующее с ядром заданного концепта.

Подчёркнём, что с нашей точки зрения, темпоральный и проксемный сегменты того

или иного художественного концепта, входящего в концептосферу художественного текста образуют концепт «художественное время», концепт «художественное пространство».

Под этносегментом модели концепта подразумевается совокупность номинантов, репрезентирующих культурологический аспект концептосферы художественного текста.

Детальное исследование каждого из выявленных сегментов модели показало, что их номинативные поля различаются как по сложности структур, так и по типам номинантов.

Социосегмент модели.

Выявлено семь номинантов, маркирующих парижан: *le populaire de Paris, la foule des bourgeois et des bourgeoises, les gens de M. le prévôt, M. le prévôt, chacun, les curieux des badauds de Paris, cette foule*. Примечательно, что В. Гюго дважды использовал гипероним *cette foule*, но в одном случае, чтобы маркировать единство устремленных на праздник горожан и горожанок: *la foule des bourgeois et des bourgeoises*, тогда как в другом случае – для противопоставления части и целого: *des badauds de Paris, la plus grande partie de cette foule*.

Темпоральный сегмент модели.

Во-первых, установлено наличие всех трех типов темпоральных маркеров, а именно: (1) словосочетания, семантика которых репрезентирует художественное время: *depuis un temps immémorial, la veille, saison*; (2) глаголы, темпоральный аспект которых репрезентируется в категориях времени и вида, (3) хронемы: *le 6 janvier, du jour des Rois et de la Fête des Fous, ce jour-là dès le matin*.

Во-вторых, выявлено смещение временного вектора в прошлое от точки на временной оси: *le 6 janvier* → *un temps immémorial*, и возвращение из прошлого к описываемой точке на временной оси: *un temps immémorial* → *la veille*.

В-третьих, установлены когнитивные скрепы: (1) скрепа *du jour des Rois*, в которой пересекается темпоральный аспект *du*

jour и религиозный аспект праздника: *du jour des Rois=l'Épiphanie (Крещение)*; (2) скрепа *plantation de mai*, в которой номинируется традиционное действие «посадка дерева» и название месяца *mai*; (3) когнитивная скрепа *sous le ciel de janvier*, в которой номинируется пространственный параметр *sous le ciel* и название месяца *janvier*. «Под художественными когнитивными скрепами нами понимаются ментальные пересечения, соединяющие различные компоненты концептосферы художественного текста в единое целое, благодаря чему этот исследовательский конструкт представляет собой целостную комплексную архитектонику, а не набор отдельных элементов в пределах реализуемой текстом тематики» [7, с. 28].

Также выявлена темпоральная антитеза: *mai-janvier*, которая философски усиливается противопоставлением частного и общего, а именно, одинокого бедного майского дерева под просторным, бескрайним небом: *le pauvre mai mal fleuri grelotter tout seul sous le ciel de janvier*.

Этносегмент модели.

Выявлены номинанты, представляющие собой художественные когнитивные скрепы, состоящие из культурем – наименований традиций и урбонимов, обозначающих исторические места Парижа: (1) *feu de joie à la Grève* = традиция *feu de joie* + агороним *à la Grève*; (2) *plantation de mai à la chapelle de Braque* = традиция *plantation de mai* + хороним *à la chapelle de Braque*; (3) традиция *mystère* (мистерия, т.е. театральная постановка на Библейские сюжеты в сочетании с бытовыми комическими сценами) + хороним *le Palais de Justice*. Подчеркнём, что перечисленные когнитивные скрепы коррелируют с хронемой *ce jour-là*, что, в целом, также представляет собой когнитивную скрепу.

Выявлены культуремы, репрезентирующие этнографические реалии, а именно, описание одежды парижских глашатаев XV века: *les gens de M. le prévôt, en beaux hoquetons de camelot violet, avec de grandes croix blanches sur la poitrine*.

Проксемный сегмент модели. Выявлено перемещение в пространстве города его жителей в три точки города *La foule des bourgeois et des bourgeois s'acheminait donc de toutes parts <...> vers l'un des trois endroits désignés*.

Примечательно, что проксемическая модель выражена также номинантами, репрезентирующими ряд фактов, упомянутых выше при характеристике других сегментов, например, *le pauvre mai mal fleuri grelotter tout seul sous le ciel de janvier dans le cimetière de la chapelle de Braque*, где вербализована вертикальная пространственная ось: *sous le ciel* и локализация в пространстве *dans le cimetière*. Глашатаи описаны, находящимися на перекрёстках – *dans les carrefours*, т.е. реализована локализация художественного пространства.

Проксемическая модель в данном контексте, как и в рассмотренных нами иных контекстах многогранна, поскольку «структура пространства текста становится моделью структуры пространства вселенной, а внутренняя синтагматика элементов внутри текста – языком пространственного моделирования <....>. На фоне этих построений становятся значимыми и частные, создаваемые тем или иным текстом или группой текстов пространственные модели» [5, с. 212-213].

Таким образом, именно синергия номинативных полей четырёх сегментов формирует новый концепт «Парижский праздник»

Второй этап исследований заключается в проведении когнитивно-сопоставительного анализа выявленных сегментов номинативного поля концепта «Парижский праздник», реализованного в исследуемой концептосфере романа на французском языке и его переведённых вариантах на русском и английском языках. Сопоставление проводится с опорой на аксиому теории перевода, в которой явлена синергия исследований нескольких поколений ученых, обосновавших на широком спектре исследовательских результатов тот факт, что степень межкультурной интерпретации литературно-художественных произведений обуслов-

лена как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, вследствие того, что интерпретация текста «протекает на базе личного опыта и связанных с ним переживаний разных людей» [2, с. 71], реализующихся «в онтологической триаде «система мира – система языка – концептуальная система человека» [1, с. 15], так как, по мнению Н.Н. Болдырева, «интерпретация связана с восприятием и оценкой системы мира и системы языка» [1, с. 16]

Итак, в русскоязычном переводе читаем:

Тем событием, которое 6 января «взволновало всю парижскую чернь», как говорит Жан де Труа, – было празднество, объединявшее с незапамятных времен праздник Крещения с праздником шутов.

В этот день на Гревской площади зажигались потешные огни, у Бракской часовни происходила церемония посадки майского деревца, в здании Дворца правосудия давалась мистерия. Об этом еще накануне возвестили при звуках труб на всех перекрестках глашатаи парижского прево, разодетые в щегольские полукафтаны из лилового камлота с большими белыми крестами на груди.

Заперев двери домов и лавок, толпы горожан и горожанок с самого утра потянулись отовсюду к упомянутым местам. Одни решили отдать предпочтение потешным огням, другие – майскому дереву, третьи – мистерии. Впрочем, к чести исконного здравого смысла парижских зевак, следует признать, что большая часть толпы направилась к потешным огням, вполне уместным в это время года, другие – смотреть мистерию в хорошо защищенной от холода зале Дворца правосудия; а бедному, жалкому, еще не расцветшему майскому деревцу все любопытные единодушно предоставили зябнуть в одиночестве под январским небом, на кладбище Бракской часовни [9, с. 5].

В англоязычном переводе рассматриваемая модель вербализована следующим образом:

What put the “whole population of Paris in commotion,” as Jehan de Troyes expresses

it, on the sixth of January, was the double solemnity, united from time immemorial, of the Epiphany and the Feast of Fools.

On that day, there was to be a bonfire on the Place de Greve, a maypole at the Chapelle de Braque, and a mystery at the Palais de Justice. It had been cried, to the sound of the trumpet, the preceding evening at all the cross roads, by the provost’s men, clad in handsome, short, sleeveless coats of violet camelot, with large white crosses upon their breasts.

So the crowd of citizens, male and female, having closed their houses and shops, thronged from every direction, at early morning, towards some one of the three spots designated.

Each had made his choice; one, the bonfire; another, the maypole; another, the mystery play. It must be stated, in honor of the good sense of the loungers of Paris, that the greater part of this crowd directed their steps towards the bonfire, which was quite in season, or towards the mystery play, which was to be presented in the grand hall of the Palais de Justice (the courts of law), which was well roofed and walled; and that the curious left the poor, scantily flowered maypole to shiver all alone beneath the sky of January, in the cemetery of the Chapel of Braque [10, с. 6].

При изложении результатов исследования нами приняты следующие условные сокращения: **SsFs** – симметрия содержания и формы номинантов оригинала и перевода; **SsAf** – симметрия содержания и асимметрия формы номинантов оригинала и перевода; **AsAf** – асимметрия содержания и асимметрия формы номинантов оригинала и перевода; **AsSf** – асимметрия содержания и симметрия формы номинантов оригинала и перевода; **fr.** – номинант на французском языке, **rus.** – номинант на русском языке, **engl.** – номинант на английском языке.

Социосегмент модели.

Номинанты, маркирующие парижан, переведены следующим образом: (1) **fr.** *le populaire de Paris* – **rus.** *парижская чернь (SsAf)* – **engl.** *whole population of Paris (AsAf)*; (2) **fr.** *les gens de M. le prévôt* – **rus.** *глашатаи (SsAf)* – **engl.** *provost’s men (SsAf)*, (3) **fr.** *M. le*

prévôt – **rus.** парижский прево (**SsAf**) – **engl.** provost (**SsAf**), (4) **fr.** *la foule des bourgeois et des bourgeoises* – **rus.** толпы горожан и горожанок (**SsFs**) – **engl.** *the crowd of citizens male and female* (**SsAf**); (5) **fr.** *chacun* – **rus.** один, другая, третий (**AsAf**) – **engl.** *each, another, another* (**AsAf**); (6) **fr.** *des badauds de Paris* – **rus.** парижских зевак (**SsAf**) – **engl.** *the loungers of Paris* (**AsAf**), (7) **fr.** *les curieux* – **rus.** все любопытные (**SsAf**) – **engl.** *the curious* **SsFs**.

Установлено, что номинанты социо-сегмента модели переведены преимущественно симметрично в плане содержания и асимметрично в плане выражения номинантов.

Темпоральный сегмент модели. Словосочетания, семантика которых репрезентирует художественное время, переведены следующим образом: (1) **fr.** *depuis un temps immémorial* – **rus.** с незапамятных времен (**SsFs**) – **engl.** *from time immemorial* (**SsFs**), (2) **fr.** *la veille* – **rus.** накануне (**SsFs**) – **engl.** *the preceding evening* (**AsAf**), (3) **fr.** *saison* – **rus.** время года (**SsAf**) – **engl.** *season* (**SsFs**).

Глаголы, темпоральный аспект которых репрезентируется в категориях времени и вида переведены преимущественно симметрично в текстах и на русском и на английском языках.

Хронемы переведены так: (1) **fr.** *le 6 janvier* – **rus.** 6 января (**SsFs**) – **engl.** *on the sixth of January* (**SsAf**); (2) **fr.** *du jour des Rois et de la Fête des Fous* – **rus.** праздник Крещения с праздником шутов (**SsAf**) – **engl.** *the Epiphany and the Feast of Fools* (**SsAf**), (3) **fr.** *ce jour-là* – **rus.** в этот день (**SsFs**) – **engl.** *on that day* (**SsFs**); (4) **fr.** *dès le matin* – **rus.** с самого утра (**SsFs**) – **engl.** *at early morning* (**SsAf**).

Симметричный перевод смещения временного вектора в прошлое от точки на временной оси: *le 6 janvier* → *un temps immémorial*, и возвращение из прошлого к описываемой точке на временной оси: *un temps immémorial* → *la veille*.

Когнитивные скрепы: (1) скрепа *du jour des Rois* переведена симметрично как на русский язык *праздник Крещения*, так и

на английский язык: *the Epiphany and the Feast of Fools*; (2) скрепа *plantation de mai* переведена симметрично на русский язык *майское деревце* и на английский *maypole*; (3) скрепа *sous le ciel de janvier* переведена симметрично как на русский язык *под январским небом*, так и на английский язык *beneath the sky of January*.

Таким образом, большая часть номинантов темпорального сегмента модели переведены преимущественно симметрично в плане содержания и асимметрично в плане выражения номинантов.

Этносегмент модели. Художественные когнитивные скрепы, маркирующие сочетание культурем и урбонимов, обозначающих исторические места Парижа, переведены следующим образом:

(1) **fr.** *feu de joie à la Grève* переведена симметрично в плане содержания и асимметрично в плане выражения на русский язык *на Гревской площади зажигались потешные огни* (**SsAf**) и симметрично на английский язык: *there was to be a bonfire on the Place de Greve* (**SsFs**);

(2) **fr.** *plantation de mai à la chapelle de Braque* переведена симметрично в плане содержания и асимметрично в плане выражения на русский язык: *у Бракской часовни происходила церемония посадки майского деревца* (**SsAf**) и симметрично на английский язык: *a maypole at the Chapelle de Braque* (**SsFs**);

(3) **fr.** *mystère au Palais de Justice* переведена симметрично в плане содержания и асимметрично в плане выражения на русский язык *в здании Дворца правосудия давалась мистерия* (**SsAf**) и симметрично на английский язык: *a mystery at the Palais de Justice* (**SsFs**)

Примечательно, что все три номинанта этносегмента модели переведено с одинаковой степенью адекватности на русский и английский языки, т.е. симметрично в плане содержания и асимметрично в плане выражения номинантов на русский язык и симметрично на английский язык. Подчеркнём, что такое явление в кросскультурной адаптации концептосферы художественно-

го текста на разноструктурные языки низкочастотно.

Проксемный сегмент модели. Репрезентант перемещения в пространстве жителей в три точки города: *La foule des bourgeois et des bourgeoises s'acheminait donc de toutes parts dès le matin, maisons et boutiques fermées, vers l'un des trois endroits désignés* переведен симметрично в плане содержания и асимметрично в плане выражения на русский язык: *Заперев двери домов и лавок, толпы горожан и горожанок с самого утра потянулись отовсюду к упомянутым местам (SsAf)* и симметрично на английский язык: *So the crowd of citizens, male and female, having closed their houses and shops, thronged from every direction, at early morning, towards some one of the three spots designated (SsFs); fr. sous le ciel – rus. под небом – engl. beneath the sky of January (2) fr. dans le cimetière de la chapelle de Braque – rus. на кладбище Бракской часовни (SsFs) – engl. in the cemetery of the Chapel of Braque (SsFs); (3) fr. dans les carrefours – rus. на всех перекрестках (SsFs) – engl. at all the cross roads(SsFs).*

Проксемный сегмент модели переведён преимущественно симметрично.

Заключение

Художественный текст как авторская проекция картины мира представляет собой совокупность художественных концептов, образующих концептосферу произведения, в которой представлен, как правило, весь спектр концептов, от простых до комплексных, от локализованных до пересекающихся посредством когнитивных скреп.

Проводимые исследования выявили ещё один тип художественных концептов, а именно, концепты с многосекментной архитектоникой модели номинативного поля. Изучение этого типа концептов позволило ввести в авторскую терминологическую базу новые термины: многосекментная модель, социосекмент, темпоральный сегмент, проксемный сегмент и этносекмент, которые в совокупности способствуют более

детальному описанию данного типа художественного концепта.

Установлено, что специфика номинантов номинативного поля этого типа художественных концептов обусловлена как свойствами их ядер, так и свойствами заданного формата когнитивной структуры реализации.

В кросскультурном поле перевода структура концепта, как правило, трансформируется вследствие межъязыковых и межкультурных несоответствий компонентов номинативного поля, что приводит к различию в степени воздействия на читателей оригинала и переведённых версий, исследованных в нашей работе.

Однако проведённый когнитивно-составительный анализ многосекментной модели художественного концепта «Парижский праздник» выявил следующую степень адаптации её сегментов на русский и английский языки:

(1) номинанты социосекмента модели переведены преимущественно симметрично в плане содержания и асимметрично в плане выражения номинантов;

(2) номинанты темпорального сегмента модели переведены преимущественно симметрично в плане содержания и асимметрично в плане выражения номинантов;

(3) все номинанты этносекмента модели переведено с одинаковой степенью адекватности на русский и английский языки, т.е. симметрично в плане содержания и асимметрично в плане выражения номинантов к восприятию русскоязычного читателя и симметрично к восприятию англоязычного читателя;

(4) номинанты проксемного сегмента модели концепта переведены преимущественно симметрично.

Таким образом, синергия многосекментной модели концепта «Парижский праздник», репрезентированного в историческом романе В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» транслирована преимущественно симметрично на русский и английский языки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Болдырев, Н.Н. Языковые категории как формат знания // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2006. Вып. 2. С. 5-22.
2. Залевская, А.А. Некоторые проблемы понимания текста // *Вопросы языкознания*. 2002. № 3. С. 62-73.
3. Кубрякова, Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // *Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: моногр.* / гл. ред. Е.С. Кубрякова, отв. ред. Н.Н. Болдырев. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Р.Г. Державина, 2009. С. 11-24.
4. Кобрин, Н.А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации // *Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр.* Тамбов, 2005. С. 77-94.
5. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста // *Ю.М. Лотман об искусстве*. СПб.: «Искусство-СПБ», 1998. С. 14-285.
6. Огнева, Е.А. Темпоральная когнитивная сетка художественного текста: тенденции кросскультурной адаптации // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 3 (Электронный журнал). URL: <http://www.science-education.ru/109-9354> (дата обращения: 13.06.2013).
7. Огнева, Е.А. *Архитектоника текстовой когнитивной сцены: проблемы моделирования и интерпретации*: моногр. / Е.А. Огнева, Ю.А. Кузьминых. М.: Эдитус, 2014. 202 с.

Источники фактического материала

8. Hugo, V. *Notre-Dame de Paris*. P.: Flammarion, 2013. 780 p.
9. Гюго, В. *Собор Парижской Богоматери*. М.: Эксмо, 2011. 656 с.
10. Hugo, V. *The Hunchback of Notre Dame* / Translated by Isabel F. Hapgood. URL: www.gutenberg.org

REFERENCES:

1. Boldyrev, N.N. Language Categories as a Knowledge Format. *Cognitive linguistics problems*. 2006. Vyp. 2. Pp. 5-22.
2. Zalevskaja, A.A. Some Problems of Understanding the Text. *Linguistics problems*. 2002. # 3. Pp. 62-73.
3. Kubrjakova, E.S. Searching for the Essence of the Language: Instead of Introduction. *Cognitive research of language*. Vyp. IV. Conceptualization of the world in language: monogr. gl. red. E.S. Kubrjakova, отв. red. N.N. Boldyrev. M.: In-t jazykoznanija RAN; Tambov: Izdatel'skij dom TGU im. R.G. Derzhavina, 2009. Pp. 11-24.
4. Kobrina, N.A. The Attributability of the Mental Sphere and Verbalization. *Conceptual space of language: sb. науч. тр.* Tambov, 2005. Pp. 77-94.
5. Lotman, Ju.M. The Structure of the Literary text. *Ju.M. Lotman about art*. SPb.: «Iskusstvo-SPB», 1998. Pp. 14-285.
6. Ogneva, E.A. The Temporal Cognitive Grid of the Literary Text: the Tendencies of Cross-cultural Adaptation. *Modern science and education issues*. 2013. # 3 (Elektronnyj zhurnal). URL: <http://www.science-education.ru/109-9354> (date of access: June 13, 2013).
7. Ogneva, E.A. *The Architectonics of Textual Cognitive Scenery: the Problems of Modelling and Interpretation*: Monograph. E.A. Ogneva, Ju.A. Kuz'minyh. M.: Jeditus, 2014. 202 p.

Data Sources

8. Hugo, V. *Notre-Dame de Paris*. P.: Flammarion, 2013. 780 p.
9. Gjuho, V. *The Hunchback of Notre Dame*. M.: Eksmo, 2011. 656 p.
10. Hugo, V. *The Hunchback of Notre Dame*. Translated by Isabel F. Hapgood. URL: www.gutenberg.org